

Тартуский университет
Философский факультет
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии
Кафедра русской литературы

**Место В.А. Жуковского в курсе русской словесности
в российских гимназиях XIX века**

Бакалаврская работа
студентки отделения
славянской филологии
Ольги Фрайман

Научный руководитель –
проф. Л.Н. Киселева

Тарту
2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Место творчества В.А. Жуковского в российских гимназических программах по литературе в XIX веке.....	11
1.1. Жуковский в гимназическом курсе «русский язык» по «Программам и учебным планам мужских гимназий и прогимназий», составленным П. Горбуновым.....	14
1.2. Жуковский в курсе русского языка по «Подробным правилам и учебным программам женских гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения», а также «Общему плану и программам обучения языкам и литературе в женских средне-учебных заведениях» Буслаева.....	19
1.3. Жуковский в курсе русской словесности по «Плану и распределению преподавания наук в высших народных училищах, гимназиях и прогимназиях».....	20
1.4. Жуковский в курсе словесности по «Программе учебным предметам для военно-учебных заведений и гимназий» и «Общей программе и инструкции для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах».....	21
1.5. Жуковский в курсе словесности реальных училищ по «Программам предметов учебного курса городских по Положению 31-го мая 1872 года училищ» и «Правилам и программам всех классов реальных училищ» П. Алексеева.....	22
Глава 2. Биография В.А. Жуковского в российских школьных учебниках и хрестоматиях XIX века	28
Заключение.....	43
Список использованной литературы	53
Приложение. Распределение учебных часов по русской литературе в разных учебных заведениях России XIX века	58
Kokkuvõte	60
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks	61

ВВЕДЕНИЕ

Тема нашей работы представляется нам очень важной и плодотворной. Исследование того, каким образом, в каком объеме и с каких точек зрения изучалось творчество и биография В.А. Жуковского в средних учебных заведениях России XIX века, покажет, какое место занимал поэт в русском литературном каноне, какие тексты были наиболее актуальными для большинства учившихся тогда и окончивших эти учебные заведения людей. Интересно проследить, как изменялся подход к изучению творчества и биографии Жуковского, как менялся выбор текстов для чтения, как на этот выбор влияла политическая обстановка, новые публикации, критические статьи и другие факторы, например, такие, как юбилейные даты и проч.

В более длительной перспективе эта работа могла бы показать, как изучавшиеся в школе и особенно заучивавшиеся наизусть тексты Жуковского повлияли на русских писателей и поэтов, прошедших курс русской словесности в гимназии по одной из программ XIX века, как они отразились в их собственном творчестве, а значит – как повлияли на русскую литературу в целом.

Хотя история преподавания русской литературы в средних учебных заведениях России в XIX–XX вв. отчасти изучалась историками педагогики (см., например: Богданова и др. 1999), но истории школьного литературного канона до настоящего времени не уделялось достаточного внимания. Конкретно о месте Жуковского в школьной программе нам известна одна работа – это бакалаврское сочинение Лауры Рооп «Жуковский в Эстонии и в эстонском культурном контексте в XIX – начале XX вв.», защищенное в 2007 году на отделении русской и славянской филологии Тартуского университета (см.: Рооп 2007). Наша тема перекликается с темами второй и, главным образом, третьей глав этой работы. Вторая глава носит название «Творчество В.А. Жуковского в программах учебных заведений Эстонии с 1885 до 1917 года». Автора работы, как явствует из названия не только данной главы, но и всего сочинения в целом, интересует Жуковский в эстонском контексте. Нижнюю временную границу интересующего автора периода сама Л. Рооп комментирует таким образом: «Повеление от 28 ноября 1885 года “О подчинении ведомству министерства народного

просвещения находящихся в прибалтийских губерниях евангелическо-лютеранских школ и семинарий” можно назвать началом русификации в эстонских учебных заведениях» (Рооп 2007: 29). Далее Л. Рооп на основании анализа учебных планов и программ конкретных учебных заведений Эстонии и других архивных источников (таких, как протокол заседания комиссии по русскому языку и циркуляры по Дерптскому и Рижскому учебным округам) приходит к выводу, что в учебных заведениях Эстонии словесность преподавали по общероссийским программам, а в них Жуковскому отводилось весьма почетное место. Л. Рооп пишет: «По закону 10 апреля 1887 г. в правительственных средних учебных заведениях Дерптского учебного округа преподавание на русском языке началось с 1887/88 учебного года. Этим повелением на прибалтийские гимназии был распространен общероссийский устав гимназий 1871 года, общерусские учебные планы и программы» (Рооп 2007: 30). Для нас работа Л. Рооп явилась важным, но недостаточным подспорьем в разработке нашей темы, поскольку наша тематика и проблематика гораздо шире.

Мы будем рассматривать учебные программы и хрестоматии, учебники и учебные пособия с того момента, когда имя Жуковского впервые начинает в них фигурировать, и изучение Жуковского в российской средней школе XIX в. без территориальных ограничений. В этой связи нам необходимо хотя бы в общих чертах описать российские гимназические программы по литературе, а также сказать несколько слов об истории возникновения и основных этапах развития самой этой программы.

8 (20) сентября 1802 г. император Александр I издает «Манифест об учреждении Министерств», в котором сообщается, в том числе, и об учреждении Министерства Народного Просвещения – министерства «воспитания юношества и распространения наук». 24 января 1803 г. было издано постановление «Об устройстве училищ». Это постановление предполагало, что в гимназиях «будут читаны и переводимы сочинения, служащие к образованию сердца и подающие чистое понятие о законе Божиим и гражданских обязанностях» (Законы 1830а: 441). Русская словесность как предмет вообще не была включена в программу: учитель философии, изящных наук и политической экономии из предметов, близких к русскому языку и словесности, преподавал лишь всеобщую грамматику и риторiku. В списке учебных пособий мы не находим ни хрестоматий, ни

учебников словесности. Перечень книг, которые должны быть в библиотеке при гимназии, также не включает в себя произведений русских писателей и поэтов.

Как мы узнаем из книги П.Ф. Каптерева «История русской педагогики», русский язык как школьный предмет впервые был введен С.С. Уваровым, бывшим тогда попечителем Петербургского учебного округа, в 1811 г. при преобразовании Петербургской гимназии. В 1828 г. русский язык уже стали изучать во всех гимназиях. Однако первоначальная учебная программа была дополнена 27 марта 1819 г., утверждена Главным Управлением Училищ и напечатана в 1 части Журнала Департамента народного Просвещения за 1821 г. В результате, согласно учебному плану гимназий, подведомственных Императорскому Дерптскому университету, опубликованному в том же 1821 г., русский язык должен был преподаваться во всех пяти классах гимназии, всего 19 часов в неделю (за все классы), причем в программу входило и «чтение хорошего прозаика и поэта». На таких занятиях вполне могли читать и Жуковского.

8 декабря 1828 года, уже при Николае I, был принят новый «Устав гимназий и училищ уездных и приходских», состоявших в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского. Теперь русская литература изучалась в составе курса «Российская словесность и логика», на этот предмет в соответствии с таблицами учебных часов отводилось по 4 часа – в 1–3 классах, по 3 часа в 4–6 классах и 2 часа в 7 классе. Частные учебные заведения должны были приблизить свои учебные программы к действовавшей для всех казенных заведений. Рекомендовалось для единообразия использовать те же книги и учебные пособия, однако с одобрения училищного начальства разрешалось использовать альтернативные учебники.

Устав 1828 г. неоднократно подвергался правке, особенно в тот период, когда министром народного просвещения стал Уваров. В 1849 г. было высочайше утверждено изменение «Устава гимназий и училищ уездных и приходских» 1828 г. Уваров покинул пост 9 октября 1849 г., таким образом, изменения были выработаны в период его министерства. Они касались, прежде всего, значительного сокращения часов на преподавание классических языков, в большинстве гимназий было отменено преподавание греческого языка (это вполне соответствовало нелюбви императора Николая I к древним языкам, но вступало в противоречие с «эллинизмом» самого Уварова).

Первая русская программа по литературе была составлена в 1852 г. А.Д. Галаховым совместно с Ф.И. Буслаевым (последний отвечал за лингвистическую часть). Вот как об этом пишет Ф.И. Буслаев в своих мемуарах «Мои воспоминания»: «Кроме того Галахову же поручил Ростовцев составить подробную программу обучения русскому и церковнославянскому языкам, теории словесности и истории литературы, как отечественной, так и иностранной. В этом деле принимал участие и я, сколько мог, по своей специальности, именно: по грамматике, стилистике и по древнерусской и народной словесности. В то же время мы с Галаховым были усердными сотрудниками Краевскому в отделе критики его “Отечественных Записок”, иногда одну и ту же статью писали вдвоем, искусно прилаживая одну к другой отдельные части, которые каждый из нас измышлял сам по себе, так что я сам с трудом могу отличить теперь, что принадлежит мне и что – Галахову» (Буслаев: 75).

Итак, мы видим, что единой программы по русской словесности, в которой перечислялись бы художественные произведения, изучаемые на разных этапах гимназического обучения, не существовало довольно долгое время – вплоть до середины XIX века. Российская словесность как отдельный предмет не изучалась до 1828 г. Конечно, это не значит, что в средних учебных заведениях вообще не читали сочинений русских писателей и поэтов, ведь хрестоматии и сборники лучших произведений российской словесности появились значительно раньше, чем учебники словесности. Это означает только то, что не было единого школьного канона, не было списка классических школьных произведений. Можно предположить, что список произведений, которые ученики некоего учебного заведения читали на уроках до введения общей программы по литературе, мог существенно отличаться от списка сочинений, читавшихся в другом учебном заведении. В условиях отсутствия единой программы учителя руководствовались, скорее всего, собственным вкусом и общими указаниями Министерства Народного Просвещения о том, что сочинения эти должны служить «к образованию сердца» и подавать «чистое понятие о законе Божиим и гражданских обязанностях». Немалую роль в выборе произведений для изучения в школе играли и хрестоматии, которые использовались в том или ином учебном заведении.

Революционным событием в истории формирования русского школьного канона стал выход «Полной русской хрестоматии» А.Д. Галахова 1843 г. Это был

переломный момент в истории преподавания русской литературы: именно тогда в хрестоматию для гимназистов впервые входят имена тех русских писателей и поэтов, которых мы привыкли почитать за классиков, но на тот момент само их появление в школьной хрестоматии при довольно скромном месте имен корифеев русской словесности вызвало негодование части общества. В «Москвитянине» появился резкий отзыв профессора Шевырева, оскорбившегося духом «неуважения ко всем прежним образцам нашим», которым «хотят заразить юные умы будущих поколений» (Цит. по: Смусина). Значительное место в хрестоматии занимали Пушкин, Лермонтов, Жуковский, Гоголь. Галахов включает также таких авторов, как Баратынский, Бенедиктов, Кольцов, Огарев. Впервые вошел в школьную хрестоматию тогда еще студент Фет, чем вызвал особое недовольство Шевырева. Профессор полагал, что новые авторы в хрестоматии – это «какой-то рой стихотворцев и прозаиков-эфемерид, которые в журналах будут рождаться ежегодно» (Цит. по: Смусина), однако, как показала история, это суждение оказалось ошибочным, а А.Д. Галахов впервые ввел в школьную хрестоматию авторов, многие из которых в дальнейшем прочно вошли в русский школьный канон. Эта хрестоматия выдержала 40 изданий¹.

19 ноября 1864 г. Устав 1849-го г. был изменен, а в 1871 г. были приняты изменения и дополнения к уставу 1864 г. С 1871 г. количество учебных часов по курсу «Русский язык с церковно-славянским» в классических гимназиях распределялось следующим образом: 6 часов в подготовительном, 4 ч. – в 1–3, 3 ч. – в 4–5, 2 ч. – в 6–8 классах (всего 24 часа без подготовительного класса). В гимназиях, в которых не преподавался греческий язык, количество часов на русский язык было большим: в первом классе 6 вместо 4-х, в 5-м – 4 вместо 3-х, а в 6-м – 3 вместо 2-х. В самом уставе, впрочем, поясняется, что эти дополнительные часы определены для того, чтобы «усилить только практические в нем <в русском языке. – О.Ф.> упражнения и тем хотя сколько-нибудь возместить столь существенный ущерб для формального и литературного образования, какой окажется для учеников тех гимназий, в коих греческий язык

¹ О полемике вокруг «Полной русской хрестоматии» А.Д. Галахова, а также о программе по литературе А.Д. Галахова и Ф.И. Буслаева в силу недоступности нам на момент написания сочинения некоторых важных изданий («Полная русская хрестоматия» была в нашем распоряжении лишь в виде издания 1859 г., а «Конспект русского языка и словесности для руководства в военно-учебных заведениях» (СПб., 1852) А.Д. Галахова и Ф.И. Буслаева оказался и вовсе недоступен), мы вынуждены судить лишь по косвенным источникам (таким, как: Буслаев; Петрова 1941; Богданова и др. 1999; Кийко 1992; Смусина; Вдовин 2012а; Вдовин 2012б).

еще не преподается за неимением учителей». И в другом месте читаем: «Назначение большего числа уроков собственно на русскую словесность признается излишним, ибо из истории русской литературы должны быть сообщаемы в гимназиях лишь важнейшие и притом наиболее твердо установившиеся в науке сведения, относящиеся к замечательнейшим произведениям, число которых ограничено (особенно, если строго сообразоваться, как то необходимо в Гимназиях, с нравственно-педагогическими требованиями). <...> Опыт, впрочем, показал достаточно, что успехи преподавания русского языка не обеспечиваются числом уроков, назначаемых на этот предмет, ибо учителя находят возможность тратить эти уроки <...> на самые разнородные рассуждения, не только бесполезные, но иногда и положительно вредные, почему Министерство Народного Просвещения озаботится немедленно, по утверждении нынешних его предположений, составлением более рациональных программ преподавания как русского языка, так и русской словесности» (Постановления 1877: 231).

Министерство действительно «озаботилось», и 30 июля 1871 г. был принят новый «Устав гимназий и прогимназий ведомства Министерства Народного Просвещения». Итак, русская словесность – в опале, акцент теперь делается на древние языки и математику. Латинский и греческий, угнетенные в предыдущий период, теперь снова ставятся во главу угла. Таким образом, существенно расширены курсы математики и древних языков, учителям словесности рекомендуется больше заниматься практической грамматикой русского языка, кроме того, в их обязанности теперь входит преподавание логики. Среди прочего, реальные гимназии переименованы в реальные училища, дорога в университеты выпускникам таких училищ закрыта. 15 мая 1872 года принят «Устав и штаты реальных училищ» ведомства народного просвещения. Далее этот устав несколько раз дополнялся, но в целом длительное время оставался основополагающим для всех реальных училищ.

В 1877 году были введены некоторые изменения в преподавание истории, а в 1890 году сократили часы на преподавание классических языков.

Подводя предварительные итоги, можно заметить, что в гимназическом образовании в России XIX века царил скорее беспорядок. Предметы вводились в программу, затем отменялись и через некоторое время вводились вновь, сами учебные планы постоянно менялись, существенно изменялось количество часов,

отведенных на каждый предмет, менялись рекомендованные учебники и пособия, ощущался серьезный их недостаток, так же как и недостаток в учителях.

Как мы понимаем из чрезвычайно эмоционального текста «Изменений и дополнений Устава гимназий и прогимназий ведомства министерства народного просвещения 1864 г.», вопрос о том, о чем необходимо и о чем категорически не следует говорить в гимназиях на уроках словесности, обсуждается очень живо и выходит за рамки педагогического сообщества. Это становится вопросом государственной важности, вопросом политическим. Общая гимназическая программа призвана теперь воспитывать в учениках патриотизм и верноподданнические чувства, служить государственной идеологии. Для нас важно, что каждое учебное заведение, кроме общегосударственного, имело свой устав и свою учебную программу, учебники и пособия выбирались каждой школой самостоятельно из списка рекомендованной Министерством литературы. Поэтому перспективным подходом было бы отдельное рассмотрение учебных программ по курсу словесности и списков учебных книг конкретных учебных заведений.

Настоящая работа – это лишь первое приближение к важной теме, связанной с историей русского литературного канона в целом. Мы смогли выделить лишь некоторые ее аспекты, которые нуждаются еще в дальнейшем детальном исследовании. В первой главе «Место творчества В.А. Жуковского в российских гимназических программах по литературе в XIX веке» мы излагаем содержание просмотренных нами учебных программ по курсу русской словесности, особенно отметив, какие тексты Жуковского входили в программы, и по каким учебникам рекомендовалось учащимся познакомиться с этими текстами.

Во второй главе «Биография В.А. Жуковского в российских школьных учебниках и хрестоматиях XIX века» речь пойдет о том, как биография поэта входит в школьные хрестоматии и учебники, какие умолчания допускают авторы биографий, когда ее изложение обогащается подробностями. Мы постараемся показать, какими источниками пользовались авторы учебных изданий, в каких отношениях между собой находились биографии Жуковского в разных учебниках и хрестоматиях. В конце главы мы сравним авторские стратегии составителей учебных пособий при изложении биографии Жуковского, Пушкина и Баратынского.

В «Заключении» мы кратко подводим итоги работы, описываем, как представлен В.А. Жуковский в трех детских хрестоматиях – «Учебной русской хрестоматии с толкованиями» П. Полевого, «Русской хрестоматии для двух первых классов средних учебных заведений» Л. Поливанова и «Детском мире и хрестоматии» К. Ушинского. Мы также стремимся проанализировать стратегию Галахова при выборе фрагментов текстов «Рейнские водопады» в его «Полной русской хрестоматии²» 1859 г. и «Русской хрестоматии» 1889 г. Мы пытаемся раскрыть функцию соположения двух текстов в «Русской хрестоматии» Галахова: «О счастливейшем времени жизни» Карамзина и «Кто истинно добрый и счастливый человек?» Жуковского. Из «Базы данных по русским и провинциальным учебным хрестоматиям 1800–1905» А. Вдовина мы извлекли сведения о текстах Жуковского, встречающихся в различных хрестоматиях, и попытались дать первоначальную интерпретацию этим фактам. Мы пишем также о перспективах дальнейшего изучения нашей темы. В Приложении приводится распределение учебных часов по русской литературе в разных учебных заведениях России XIX века.

² В заглавиях мы сохраняем оригинальное написание этого слова, использовавшееся рядом авторов XIX в.

ГЛАВА I

МЕСТО ТВОРЧЕСТВА В.А. ЖУКОВСКОГО В РОССИЙСКИХ ГИМНАЗИЧЕСКИХ ПРОГРАММАХ ПО ЛИТЕРАТУРЕ В XIX ВЕКЕ

Обратимся теперь к анализу того, какое место занимал В.А. Жуковский в российских гимназических программах. Однако мы не можем ограничиться лишь гимназическими классами и постараемся показать место творчества поэта в школьной программе в целом.

Так исторически сложилось, что первая в России программа по русской словесности была составлена А.Д. Галаховым и Ф.И. Буслаевым для военных учебных заведений, поскольку Я.И. Ростовцев, поручивший Галахову и Буслаеву написание программы, исполнял должность начальника Главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям. Это произошло в 1852 г. Судя по «Базе данных по русским и провинциальным учебным хрестоматиям 1800–1905», составленной А. Вдовиным, в программу 1852 г. входило 16 текстов Жуковского, а именно:

- 1) Гимн «Боже, царя храни (Песнь русскому царю)»;
- 2) «Вадим»;
- 3) «Война мышей и лягушек»;
- 4) «Воскресное утро в деревне»;
- 5) «Воспоминание о торжестве 30 августа 1834 г.»;
- 6) «Деревенский сторож»;
- 7) «Лесной царь»;
- 8) «Летний вечер»;
- 9) «Ночной смотр»;
- 10) «Овсяный кисель»;
- 11) «Певец во стане русских воинов»;
- 12) «Путешествие по Саксонской Швейцарии»;
- 13) «Рейнский водопад»;
- 14) «Светлана»;
- 15) «Сказка об Иване Царевиче и сером волке»;
- 16) «Утренняя звезда».

По количеству текстов Жуковского это наиболее полная из просмотренных нами программ, впоследствии этот список существенно сокращался.

Из той же «Базы данных» А. Вдовина мы узнаем, что по программе 1872 г. для гимназий изучались следующие тексты Жуковского:

- 1) «Ивиковы журавли»;
- 2) «Опять ты здесь, мой благодатный гений»;
- 3) «Рейнский водопад»;
- 4) «Светлана».

Как мы видим, место Жуковского в программе стало гораздо более скромным. Только «Светлана» и «Рейнский водопад» сохранили свои место, остальные тексты были сокращены, и появились два новых по сравнению с предыдущей программой текста: «Ивиковы журавли» и «Опять ты здесь, мой благодатный гений...».

Программа 1873 г. для училищ включала в себя следующие тексты Жуковского:

- 1) «Ивиковы журавли»;
- 2) «Рейнский водопад»;
- 3) «Светлана»

Таким образом, программа для училищ 1873 г. отличалась от гимназической программы 1872 г. (в части, касающейся Жуковского) только сокращением одного текста – «Опять ты здесь, мой благодатный гений...».

По программе 1890 г. изучались следующие тексты Жуковского:

- 1) «Орлеанская дева (Прощание с родиной)»;
- 2) «Рейнский водопад»;
- 3) «Светлана»;
- 4) «Сельское кладбище»;
- 5) «Теон и Эсхин»;
- 6) «Кремль в лунном свете».

Итак, «Рейнский водопад» и «Светлана» входят во все 4 программы, остальные тексты из предыдущей программы заменяются новыми: «Орлеанская дева (Прощание с родиной)», «Сельское кладбище», «Теон и Эсхин», «Кремль в лунном свете».

Рассмотрим теперь, как эти общие программы применялись в планах учебных заведений разной направленности.

На данный момент нами было просмотрено несколько отдельных изданий программ, правил и учебных планов различных учебных заведений XIX века:

1. «Программы и учебные планы мужских гимназий и прогимназий», составленные П. Горбуновым,
2. «Правила и программы всех классов мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения», составленные П. Алексеевым,
3. его же «Правила и программы всех классов реальных училищ»,
4. «Новейшие учебные планы, правила и программа с объяснительными записками мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения», составленные Орловым,
5. «План и распределение преподавания наук в высших народных училищах, гимназиях и прогимназиях»,
6. «Программы предметов учебного курса городских по Положению 31-го мая 1872 года училищ»,
7. «Подробные правила и учебные программы женских гимназий», составленные В. Александровым,
8. «Общий план и программы обучения языкам и литературе в женских средне-учебных заведениях» Ф. Буслаева.

Мы просмотрели также следующие издания, относящиеся лишь косвенно к нашей теме, но дающие более полную картину отношения к творчеству Жуковского в интересующее нас время:

– «Программа учебным предметам для военно-учебных заведений и гимназий»;

– «Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах».

Следует оговорить, что составители здесь – не авторы самих программ по словесности (кроме издания программ, составленных Буслаевым), а авторы конкретных брошюр – компиляций из текстов различных уставов, законов, программ, методических рекомендаций и проч.

Посмотрим, как представлено творчество В.А. Жуковского в каждой из этих программ.

1.1. Жуковский в гимназическом курсе «русский язык» по «Программам и учебным планам мужских гимназий и прогимназий», составленным П. Горбуновым

Горбунов помещает в своей книге примечательное для нас распоряжение Министерства Народного Просвещения от 8 июня 1877 года: «Учебниками и пособиями приняты только одни одобренные Мин. Нар. Просв. издания. В выборе этих учебников и пособий преподавателям предоставлена свобода следовать собственным их воззрениям, соображаясь с общими началами дидактики и теми указаниями, которые предложены министерством для руководства» (Горбунов 1911: 24). Далее автор приводит правила, принятые в 1884 г.: «1) Никакой учебник не может быть заменен новым прежде истечения двух лет. 2) Преподавание курса каждого предмета или отдельной части его <...> должно быть закончено по тому же учебнику, по которому оно начато. 3) Преподаватель, желающий переменить учебник, должен внести в педагогический совет письменное заявление с обстоятельным изложением причины перемены. Постановления о перемене учебников должны быть составляемы не иначе как до наступления летних каникул» (Горбунов 1911: 24–25). Это замечание важно для нас, так как допускает возможность обнаружения популярных и непопулярных учебников русской словесности и причин их непопулярности при просмотре внутренней документации учебных заведений. И далее у Горбунова мы читаем: «При множестве учебных руководств, одобренных министерством, на каждый предмет и на каждый класс, выбирать нужно из перечисленных здесь один тот, какой принят в учебном заведении» (Горбунов 1911: 25). Об учебных пособиях сказано следующее: «Преподаватель должен руководствоваться ими в том случае, если какие-либо отделы или статьи выбранного учебника оказываются частью неясными, частью недостаточными. <...> Для пополнения и уяснения своих знаний учащийся, по указанию преподавателя, пользуется учебным пособием» (Горбунов 1911: 25).

Учебная программа, помещенная в книгу Горбунова – 1890 года. Та же программа приведена в «Новейших учебных планах, правилах и программе с объяснительными записками мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения», составленных Орловым, поэтому последнее издание мы отдельно не рассматриваем.

В подготовительном классе (возраст учащихся – от 8 до 10 лет), где на «Русский язык» отведено 6 уроков, учебный план из интересующих нас занятий, могущих подразумевать обращение к текстам Жуковского, включает в себя: 1) Чтение; 2) Пересказ; 3) Заучивание наизусть вне класса. Этот пункт специально комментируется: «Для этого самого плодотворного вида занятий по русскому языку должны вначале избираться только стихотворения, и притом такие, которые вполне доступны для детского понимания и легко заучиваются. Таковы, например, некоторые описательные стихотворения Пушкина, басни Крылова и т. п. В настоящем классе должно выучить наизусть не менее десяти небольших стихотворений» (Горбунов 1911: 26–27).

Относительно следующего пункта – 4) Грамматические занятия – отмечается, что эти занятия находятся в непосредственной связи с книгой для чтения (поэтому для получения целостной картины исследователю, в принципе, необходимо изучить все предлагаемые книги, учебники и хрестоматии). 5) Письменные упражнения, которые состоят: «а) в списывании с книги; б) в писании наизусть заученного стихотворения без книги; <...> г) в составлении ответов на вопросы из прочитанного в классе». В качестве учебных книг называются «Русская хрестоматия для приготовительных классов средних учебных заведений» Ф. Савенко.

Занятия в 1 классе (возраст учеников от 10 до 12 лет), когда русскому языку отделено 5 уроков в неделю, – это логическое продолжение предыдущего, например, «объяснительное чтение, заучивание наизусть прозаических и стихотворных отрывков и целых произведений; <...> устный пересказ прочитанного» (Горбунов 1911: 31–32). Рекомендуется использовать следующие пособия: книга П.Е. Басистова «Для чтения и рассказа. Хрестоматия для употребления при первоначальном преподавании русского языка»; «Учебная русская хрестоматия с толкованиями» П. Полевого; «Русская хрестоматия» Л. Поливанова; «Русская хрестоматия для двух первых классов средних учебных заведений» Смирновского; «Родная речь: русская хрестоматия для средних учебных заведений» В.А. Соколова.

Во 2 классе (возраст учеников – от 11 до 13 лет), где русскому языку посвящено 5 уроков в неделю, используются, как и в первом классе, книги Поливанова и Смирновского. «Объяснительная записка к программам курса истории 1 и 2 классов» в некоторой степени объясняет и выбор определенных

текстов для курса русской словесности. Полагаем, что авторы хрестоматий согласовывались в своем выборе с установками, данными в программе Министерства: «Преподавание отечественной истории в первых двух классах имеет свою воспитательную целью направить внимание и мысль детей ко всему прекрасному и идеальному в прошлой жизни родного народа, посеять в них первые семена любви к родине, преданности престолу и отечеству. Воодушевленное патриотическим чувством, любовью к детям, и педагогическому делу, умелое преподавание родной истории легко приведет к желаемому результату и научит детей любить свое великое государство и чтить его многотрудное прошлое» (Горбунов 1911: 39). Как и в первом классе, используется «Русская хрестоматия» Смирновского.

В 3 классе русским языком занимались, как отмечалось во «Введении», 4 урока в неделю. Для нас представляет интерес «Объяснительная записка к курсу истории в 3-м классе гимназии», из которой мы узнаем, что: «Главные эпизоды из Илиады и Одиссеи должны быть прочитаны и разобраны в классе (подбор отрывков см. в книге В.П. Острогорского «Русские писатели как образовательный материал» в отделе «О Жуковском»). При чтении Илиады можно пользоваться как новым переводом Минского, так и знаменитым переводом Гнедича» (Горбунов 1911: 49). Из учебников рекомендуются «Родная речь» Соколова и «Русская хрестоматия» А.Д. Галахова. Таким образом, Жуковский вошел в программу по истории своим переводом «Одиссеи», и это указывает как на межпредметные связи, существовавшие в школах позапрошлого века, так и на то, что обращение лишь к программе по словесности недостаточно для того, чтобы понять место писателя в школьном курсе.

В 4 классе, где русскому языку отведено 4 урока, изучалась грамматика церковно-славянского языка, продолжалось заучивание наизусть прозы и стихов. Заучивались ли наизусть тексты Жуковского, еще предстоит выяснить.

По программе 5 класса, где русский язык изучался 3 часа в неделю, ученикам предстояли «Чтение и разбор произведений русской словесности XI–XIII вв.». Рекомендуется учебник А.Н. Попова «Пособие при изучении образцов русской литературы», «Изборник статей для теоретического изучения образцов русской словесности применительно к курсу средних учебных заведений» Н. Баталина, «История русской словесности» Галахова, «Теория словесности, с приложением стилистических задач и переводов из Лессинга и Шиллера»

Кирпичникова и «Методическая русская хрестоматия» Поливанова. Для нас важно, что в этом классе ученики читают «главнейшие отрывки из «Слова о полку Игореве»» (Горбунов 1911: 66) переведенным, как известно, Жуковским.

В 6 классе (возраст учеников – от 14 до 16 лет), где на русский язык отводилось 3 или 5 уроков, по плану подразумевалось «чтение и разбор произведений русской словесности, относящихся ко времени XVI столетия до Карамзина». В этом классе изучались, например: «Оды Гавриила Романовича Державина (1743–1816): «На рождение на севере порфирородного отрока», «На смерть князя Мещерского», некоторые строфы «Фелицы», «Видение Мирзы», «Бог», «Водопад» (несколько строф), «Памятник»» (Горбунов 1911: 78). От учеников требовалось выучить наизусть: 1) начало оды «Водопад» (семь строф); 2) несколько строф из оды «Бог», хотя отмечалось в качестве пожелания, чтобы ученики знали и всю эту оду наизусть; 3) «Памятник». Итак, хронологически Жуковский не вписывался в программу 6 класса.

В 7 классе (возраст учеников – от 16 до 18 лет) русский язык занимал по программе 4 или 3 урока в неделю. Гимназисты занимались чтением и разбором произведений русской словесности XIX века от Карамзина до Гоголя. Перечислим все изучавшиеся сочинения, чтобы понять, в какой контекст попадали сочинения Жуковского:

1) Н.М. Карамзин: «Письма русского путешественника» (5 писем); из повести «Бедная Лиза» по «Исторической хрестоматии» А.Д. Галахова; «О любви к отечеству и народной гордости», «О счастливейшем времени жизни»; отрывки из «Истории государства Российского» (6 отрывков).

2) И.И. Дмитриев: «Чужой толк»;

3) И.А. Крылов: «басни, относящиеся к вопросу о просвещении, образовании и воспитании» (Горбунов 1911: 88);

4) В.А. Озеров: отрывки из трагедии «Эдип в Афинах» или «Дмитрий Донской»;

5) «Василия Андреевича Жуковскаго: элегии «Сельское кладбище», «Теон и Эсхин», баллада «Людмила», отрывки из повести «Двенадцать спящих дев», «Светлана», «Граф Габсбургский». Отрывок из «Одиссеи»» (Горбунов 1911: 88);

6) К.Н. Батюшков: «ода «Надежда», элегии «Послание к Дм. Вас. Дашкову», «Тень друга», «Умиравший Тасс». Из греческой антологии одно или два стихотворения» (Горбунов 1911: 88);

7) А.С. Грибоедов: «Горе от ума»;

8) А.С. Пушкин: «Лирические произведения, выражающие его взгляд на поэта и поэзию; некоторые элегии и баллады» (Горбунов 1911: 88). «Кавказский пленник», «Цыганы», «Полтава», «Медный всадник», «Капитанская дочка», «Евгений Онегин». «Борис Годунов» и «Скупой рыцарь»;

9) М.Ю. Лермонтов: «Ангел», «Когда волнуется желтеющая нива», «Дума», «Молитва», «Пророк», «Спор». «Песня про царя Ивана Васильевича...», «Бородино», «Мцыри», «Бэла» и «Максим Максимович» из «Героя нашего времени»;

10) А.В. Кольцов: «Песня пахаря», «Урожай», «Лес» (Памяти Пушкина), «Что ты спишь, мужичок», «Последняя борьба»;

11) Н.В. Гоголь: «Старосветские помещики», «Тарас Бульба», «Мертвые души», «Ревизор».

Кроме того, нужно было выучить наизусть 5 отрывков из стихотворений, читаемых в этом классе. Предположим, что некоторые ученики выбирали для заучивания и Жуковского.

Список рекомендуемых учебных книг был общим для 5–8 классов.

Последний, 8 класс гимназии (возраст учеников от 17 до 19 лет), когда русский язык изучался 3 или 4 урока в неделю, был посвящен «чтению и разбору образцовых произведений изящной словесности, как русской, так и иностранной» (Горбунов 1911: 97). «Вместе с тем, – как отмечалось далее, – во всех классах читаются, разбираются и до 7 класса включительно заучиваются образцовые произведения русской литературы XIX, а отчасти XVIII века, и ведутся указанные в программе и в объяснительной записке устные и письменные упражнения» (Горбунов 1911: 97–98). В примечании к программе сказано: «Все теоретические положения преподаваемого в этом классе курса должны быть подкрепляемы и объясняемы примерами из произведений выученных, прочитанных и разобранных в предыдущих классах» (Горбунов 1911: 98). Также говорится о том, что это лишь минимальная программа, которая, конечно, может дополняться и расширяться преподавателем.

1.2. Жуковский в курсе русского языка по «Подробным правилам и учебным программам женских гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения со всеми последними дополнениями и разъяснениями», а также «Общему плану и программам обучения языкам и литературе в женских средне-учебных заведениях» Буслаева

Упомянем о том, как обстояло дело с преподаванием словесности в женских гимназиях. Составитель «Подробных правил и учебных программ женских гимназий и прогимназий» В. Александров при описании курса по «русскому языку и словесности» отмечает, что программа приводится по плану для мужских гимназий.

Итак, программа совпадает с мужской, но на нее отводится меньшее количество часов, и обучение длится 7 лет. Учебные часы распределяются следующим образом: в первых двух классах по 4 часа в неделю, далее по 3. Отличается и список учебной литературы. В подготовительном классе рекомендуется книга Максимова «Родная пчелка». В 1–4 классах рекомендован учебник Острогорского «Живое слово». В 5 классе сообщаются «главнейшие сведения из версификации», дается «понятие о родах сочинений прозаических и поэтических». Рекомендуется к использованию учебник Шалыгина «Теория словесности».

Творчество В.А. Жуковского изучается в 6-м классе. Среди рекомендованной литературы в 6 и 7 классах – «Русская историческая хрестоматия» К.П. Петрова, «История русской словесности» Незеленова, «Очерки по истории русской литературы» Саводника. Здесь же приводится список, надо сказать, впечатляющий, произведений, предлагаемых к заучиванию наизусть. Из Жуковского предлагалось выучить: ««Сельское кладбище», из «Светланы» несколько стихов, «Теон и Эсхин», «Лесной царь», из «Орлеанской девы» прощание Иоанны Дарк с родиною»» (Александров 1910: 76), а из прозы – «Рейнский водопад» и «Кто истинно добрый и счастливый человек?».

Буслаев предлагал читать во 2 классе из Жуковского отрывки из «Рустема и Зораба», романсы о Сиде, некоторые стихотворения, «Певец», «Сикстинская мадонна», письма.

1.3. Жуковский в курсе русской словесности по «Плану и распределению преподавания наук в высших народных училищах, гимназиях и прогимназиях, на основании проекта устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Мин. Нар. Просвещения»

По плану высших народных училищ, гимназий и прогимназий в первом классе предписывалось поставить «в основание учению отчетливое и сознательное чтение с логическим разбором предложений» (План 1860: 4), рекомендовалось использовать первую часть «Опыта преподавания русского языка профессора Буслаева», где приведены примеры такого чтения. Литературные тексты использовались и при изучении грамматики и синтаксиса русского языка.

В 3-м классе больше занимались письменным изложением прочитанного и выучиванием наизусть отрывков из прочитанного. В 3-м же классе рекомендовалась хрестоматия Галахова: «Итак, если признать необходимость читать наибольшее число образцов, то этой цели могут удовлетворить хрестоматии и лучшая из них – хрестоматия Галахова» (План 1860: 6). Хрестоматия Галахова вводится не ранее 3-го класса. До этого: «Чтение для подготовительных курсов с кратким начертанием постепенных практических упражнений в Русском языке» Михайлова. Рекомендуются дополнять чтением Пушкина, Крылова и других писателей. «Чтение должно сопровождаться изустным и письменным изложением прочитанного» (План 1860: 7).

В высших четырех классах гимназии завершалось грамматическое изучение языка и начиналось изучение теории и истории словесности. Начинать теорию поэзии рекомендовалось с чтения образцов. В 6-м классе советовали приступить к чтению образцов эпической поэзии, «как более доступной для учащихся, именно к чтению народного эпоса. Образцы: «Одиссея» и «Наль и Дамаянти» в переводе Жуковского» (План 1860: 11). В 7 классе из текстов Жуковского называются «Лесной царь» и «Орлеанская дева». В 8 классе изучается история словесности, специально отмечаются авторы, заслуживающие особенного внимания: «В истории новой словесности предметами более тщательного изучения должны быть: Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский, Крылов, Пушкин и Гоголь» (План 1860: 13).

1.4. Жуковский в курсе словесности по «Программе учебным предметам для военно-учебных заведений и гимназий» и «Общей программе и инструкции для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах»

В системе образования в Российской империи большое место занимали военные учебные заведения. Напомним, что и первая программа Галахова и Буслаева написана была для военных учебных заведений. Посмотрим, как изучалась русская словесность в учебных заведениях такого толка. Программа военных учебных заведений отличается от общегимназической. Курс русской словесности здесь давался сокращенно, количество учебных часов было меньшим, чем в обычных гимназиях. Если в гимназиях на русский язык отводилось (в сумме по всем классам) от 33 до 40 часов, то в военных училищах всего 18 часов. Распределялись они следующим образом (начиная от низшего класса): 5 часов, 3 часа, 3 часа, 2 часа, 2 часа, 3 часа. Столь существенное сокращение было вызвано спецификой учебного заведения, необходимостью уделять большее внимание математике, черчению и выделить часы для занятий такими профильными предметами, как, например, «тактика», «артиллерия» и «фортификация». В 5 классе военных училищ, где русский язык преподавался 3 часа в неделю, изучали теорию поэзии и эпическую поэзию с примерами. Среди прочего значатся и такие пункты программы: «Радостное и печальное в лирической настроенности. Элегия: свойства ее. Отечественные писатели элегий. Различие между элегиями Жуковского, Пушкина, Баратынского и Лермонтова. Идиллия. Примеры. Переход лирического склада в другие. Баллада, как лирическая песнь и как рассказ народного предания. Баллада Жуковского и Пушкина» (Программа 1860: 104–105).

Итак, Жуковский в военных училищах выступает, прежде всего, как автор элегий и баллад, возможно, эпической поэзии.

«Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах» интересна тем, что в ней называются по классам тексты, которые ученики должны были заучивать наизусть. Так, во втором классе по программе нужно было выучить стихотворение Жуковского «Солнышко». Приводится также список текстов «для свободного и связного устного изложения» (Программа 1898: 35), среди них в программе 4 класса мы находим «Кубок», «Граф Габсбургский», «Поликратов перстень», «Очерки Швеции»

Жуковского. В 5 классе нужно было выучить наизусть «Море» Жуковского. В 6 классе читали 7, 8 и 9 песни из «Одиссеи» в переводе Жуковского. Здесь же публикуется «перечень литературных произведений, из числа которых могут быть выбираемы преподавателем сочинения для внеклассного чтения кадет четырех старших классов» (Программа 1898: 43). Из Жуковского рекомендуют для самостоятельного чтения следующие тексты: для 4 и 5 классов – «Наль и Дамаянти», «Рустем и Зораб», баллады, «Ундина», «Норманский обычай», сказки; для 6 и 7 классов – «Одиссея», «Цейкс и Гальциона» (из Овидиевых превращений), «О критике», «О басне и баснях Крылова», «О сатире и сатирах Кантемира», «Рафаэлева Мадонна», «Орлеанская дева», «Камознс».

Мы пользовались изданием 1898 года, и в этом списке рекомендуемой литературы значатся уже Достоевский, Островский, Л. Толстой и А.К. Толстой. В качестве учебных пособий рекомендуются: «Русская хрестоматия» Поливанова, «Хрестоматия для изучения образцов русской словесности» Бунакова, «Русская хрестоматия» Галахова, «Русская хрестоматия» Филонова, «Сборник для теоретического изучения русской словесности» Воскресенского, «Учебный курс теории словесности» Яковлева или «Теория словесности» Белявского.

1.5. Жуковский в курсе словесности реальных училищ по «Программам предметов учебного курса городских по Положению 31-го мая 1872 года училищ» и «Правилам и программам всех классов реальных училищ» П. Алексеева.

В «Программах предметов учебного курса городских по Положению 31-го мая 1872 года училищ» сообщается, что в 6 классе даются краткие биографические сведения о тех писателях, произведения которых больше всего изучались на протяжении всего периода обучения. Это Ломоносов, Державин, Карамзин, Жуковский, Крылов, Пушкин, Лермонтов, Кольцов, Гоголь, Аксаков, Тургенев, Л.Н. Толстой. Отмечается, что «выбор подробностей из биографии того или другого автора должен строго сообразоваться с развитием и историческими познаниями учащихся» (Программы 1872: 19). Конкретные тексты, изучавшиеся в городских училищах, не называются. В качестве книг для чтения перечисляются: для 1-го и 2-го классов – «Родное слово» Ушинского, для 3-го и 4-го – хрестоматия Полевого и методические пособия Гаврилова «Стилистические

задачи» и «Письменные упражнения», для 5-го и 6-го классов рекомендуется хрестоматия Басистова (часть II), учителям рекомендуется методическая брошюра «Заметки о практическом преподавании русского языка». О методической стороне преподавания русской словесности в городских училищах можно сказать то, что центральное место здесь отводится «объяснительному чтению». В «Объяснительной записке к программе русского языка» мы читаем: «Ни в одном занятии столь многосторонне не затрагивается психическая деятельность учеников, как в объяснительном чтении и ничто, как объяснительное чтение, не заключает в себе так много средств для развития дара слова в самых разнообразных его применениях» (Программы 1872: 22) Интересно, что в младших классах практиковалось «повторительное чтение», а также «хоровое чтение классом, особенно применяемое к стихотворениям».

Судя по изданию П. Алексеева «Правила и программы всех классов реальных училищ ведомства Мин. Нар. Просвещения», учебный план по курсу «Русский язык и словесность» в реальных училищах, вопреки ожиданиям, не подвергся существенным сокращениям. Напротив, из «Объяснительной записки к программе по русскому языку и словесности в IV классе» мы узнаем, что «курс этот должен основываться на изучении возможно большего числа разнообразных литературных произведений, чтобы облегчить ученикам знакомство с литературным материалом в следующих классах» (Программы 1872: 82). Таким образом, многие тексты читаются уже в 4 классе, тогда как по программе 1871 года для гимназий первые четыре года изучается грамматика русского и церковно-славянского языков, читаются короткие тексты из книг для чтения в младших классах и некоторые тексты заучиваются наизусть. По Горбунову, «чтение и разбор произведений русской словесности» начинается только в 5 классе, здесь речь идет об XI–XIII вв., а интересующий нас период изучается только в 7 классе.

В программу для реальных гимназий Алексеев включает «Объяснительную записку к программе изучения истории словесности в V, VI, VII, и VIII классах средних учебных заведений министерства народного просвещения», в которой мы находим следующий тезис: ««Историческое» (изучение произведений в связи с исторической жизнью русского народа) изучение русской словесности в средних учебных заведениях, несомненно, имеет большое значение особенно потому, что очень немногие из окончивших курс

средних учебных заведений поступают затем на историко-филологические факультеты, – для огромного числа лиц, получивших среднее образование, сведения по истории русской словесности, вынесенные из среднеучебного заведения, будут окончательными и едва ли в последствии будут пополняться. Поэтому курс истории русской словесности в средних учебных заведениях должен представлять собой законченный и, по возможности, обширный курс доступных для учащихся сведений из истории родного творчества» (Алексеев 1917: 95–96).

В программе реальных училищ регламентируется также преподавание биографии писателей: «Ознакомление учащихся с биографией изучаемого писателя обязательно, но главное значение должно быть придаваемо изучению самих произведений писателя. Биографии должны представлять: а) краткие очерки жизни писателей <к этому месту сделано примечание: «Биографии таких писателей, как Жуковский, Пушкин, Гоголь и Лермонтов, конечно, должны быть более подробны». – *О.Ф.*>. Биографии новейших писателей (Тургенев, Л. Толстой) должны быть кратки, с обращением особого внимания на те черты жизни писателя, которые отразились на его творчестве, б) перечень главнейших произведений писателя без анализа (разбираться должны только перечисленные в программе). Таким образом, писатель должен быть понят учениками, как человек известной эпохи, как выразитель интересов и мировоззрений своего времени. Поэтому рассказы об его жизни, – анекдотического характера, равно как и сведения, безразличные с историко-литературной стороны, – не должны сообщаться ученикам» (Алексеев 1917: 97). По этой программе творчество Жуковского изучается в 6 классе в рамках темы «романтическое направление». Называются следующие тексты: «Мой друг, хранитель ангел мой», «19-го марта 1823 г.», «Элегия на кончину Королевы Виртембергской», «Певец во стане русских воинов», «Людмила», «Теон и Эсхин», «Светлана», «Двенадцать спящих дев», «Ундина», «Одиссея». В 8 классе читают «Орлеанскую деву» Жуковского.

Обратим внимание на то, как меняется выбор текстов поэта, включенных теперь в программу. Жуковский в школе – это теперь уже не столько просветитель, который ввел в русскую литературу новые имена. Даны программные тексты поэта, в которых нашли отражение важнейшие для него идеи, а также тексты, связанные с частной биографией Жуковского, очень интимные, что может быть связано и с тем, как преподавалась биография

Жуковского в школе (этому посвящена вторая глава нашего сочинения), а также с переосмыслением значения поэзии Жуковского в целом.

Вообще говоря, эта программа не может не поражать внушительным списком литературы (мы имеем в виду не только тексты Жуковского, а всю программу в целом) и не менее внушительным списком рекомендованных учебников и пособий. По курсу «русский язык и словесность» рекомендуются следующие учебники и хрестоматии (мы перечисляем только издания, касающиеся преподавания словесности):

– для подготовительного класса – «Мир в рассказах для детей» Вахтерова, «Начальная хрестоматия» Корханиди, ч. 1, «Родная пчелка» Максимова, «Русская хрестоматия» Покровского;

– для 1 и 2 классов – «Начальная хрестоматия» Корханиди», ч. 2, «Русские писатели» Мартыновского, т. 1, «Живое слово» Острогорского, ч. 1 и 2, «Русская хрестоматия» Покровского, «Русская хрестоматия» Поливанова, ч. 1, «Русская хрестоматия» Смирновского, ч. 1 и 2;

– для 3 и 4 классов – «Образцовые писатели» Корханиди, «Русские писатели» Мартыновского, т. 2, «Живое слово» Острогорского, ч. 3, «Русская хрестоматия» Покровского, ч. 3, «Русская хрестоматия» Поливанова, ч. 2, «Русская хрестоматия» Смирновского, ч. 3, «Родная речь» Соколова, ч. 2;

– для 5, 6 и 7 классов – «Историко-литературная хрестоматия» и «История русской словесности» Галахова, «История русской словесности» Незеленова, ч. 1 и 2, «Пособие при изучении истории русской словесности» Смирновского, «Хрестоматия» Соколова и Борзаковского, «Очерки по истории русской литературы» Саводника, «История русской словесности» и «Историческая хрестоматия по русской словесности» Сиповского,

– для 8 класса – книги по теории словесности. Здесь мы имеем дело с новой для того времени программой по литературе, 1912 г. В примечании к разделу, посвященному программе курса «русский язык», сказано следующее: «Настоящая программа по русскому языку приведена в июльской книжке Ж.М.Н.Пр. за 1912 г. Распоряжения Мин. Н. Пр. о введении этой программы и о порядке ее применения до сих пор не последовало <...>. Мы все же приводим «новую» программу, так как в непродолжительном времени должно ожидать распоряжения о ее введении, а также ввиду того, что означенная программа во многих гимназиях фактически уже введена».

Таким образом, официально все еще действительна была программа, описанная нами по изданию Горбунова (Горбунов 1911), а на практике, как утверждается, во многих гимназиях уже введена была новая программа. Это объясняет некоторые противоречия в программах: так, например, программа для гимназий по изданию Горбунова оказывается беднее программы для реальных училищ по изданию Алексеева (Алексеев 1917). Напомним, что это самая поздняя из рассматриваемых нами учебных программ, год просмотренного нами издания – 1917. Такой была программа по русской словесности накануне огромных изменений в жизни страны, неминуемо повлекших за собой и изменения в школьной программе по русской словесности.

Как мы видели, программы учебных заведений постоянно менялись на протяжении XIX в. Мы хотели бы обратить внимание на то, что в самом новом из просмотренных нами изданий школьных программ, которое вышло в 1917 году, представлена уже обновленная программа по русской словесности для гимназий. В нее включены такие новые писатели, как Л. Толстой, Тургенев, Островский, Гончаров и другие. Более того, изменилась и сама концепция преподавания литературы в школе, изменился взгляд на историю литературы и место в ней отдельных писателей. В предисловии сделано программное заявление: «...В центре ее <программы. – *О.Ф.*> поставлены Пушкин и Гоголь, все, что им предшествует – их подготавливает, что за ними следует – их развивает и дополняет» (Алексеев 1917: 96–97). Если раньше очень важное место в школьных программах традиционно занимали Ломоносов, Карамзин и Державин, то теперь главное внимание принадлежит Пушкину и Гоголю.

По нашим самым первоначальным наблюдениям, значение Жуковского в школьном курсе постепенно переоценивается. Если в начале его появления в программах по русской словесности чаще всего рекомендуются его переводы известных авторов, а сам Жуковский ценится как просветитель, переводчик «Одиссеи», введший в русский культурный контекст произведения иностранных авторов, то со временем все больше начинают ценить его новаторство в области поэтики и поэтического языка. Жуковский начинает восприниматься как литературный учитель и предтеча Пушкина. Если в более ранних программах всегда сначала называется автор оригинального иностранного сочинения, а затем приписывается «переведено Жуковским», то в более новых дореволюционных

программах нет уже заметок о том, что это перевод (за исключением, разумеется, «Одиссеи»), указывается лишь название стихотворения и имя Жуковского.

Если говорить об учебных пособиях, то, как мы видели, списки рекомендуемых учебников и хрестоматий разнятся довольно существенно, но какие-то наименования все время повторяются. Одной из таких популярных книг была «Русская хрестоматия» Галахова. Лаура Рооп в своей бакалаврской работе «В.А. Жуковский в учебных пособиях, использовавшихся в школах Эстонии с 1885-го до 1917-го года» замечает, что, хотя список учебных пособий по русской словесности, бывших в употреблении в разных гимназиях, был весьма пестр и разнообразен, многие из них были рекомендованы Министерством народного просвещения и использовались в средних учебных заведениях по всей Российской империи, не только в Эстонии. Таковы, например, авторитетные учебник и хрестоматии Галахова, которые, как утверждает Л. Рооп на основании различных источников, действительно использовались на занятиях во многих учебных заведениях Эстонии, это были самые популярные учебные пособия. В издании «План и распределение преподавания наук в высших народных училищах, гимназиях и прогимназиях» хрестоматия Галахова названа лучшей и рекомендована к использованию в курсе «Русский язык и словесность» средних учебных заведений.

В следующей главе мы опишем то, каким образом биография Жуковского была представлена в школьных хрестоматиях и учебниках, главными источниками станут для нас труды А.Д. Галахова как наиболее авторитетные гимназические пособия.

ГЛАВА II

БИОГРАФИЯ В.А. ЖУКОВСКОГО В РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКАХ И ХРЕСТОМАТИЯХ XIX ВЕКА

В.А. Жуковский – один из тех поэтов, жизнь которого неразрывно связана с его творчеством. Очень рано было замечено критиками и исследователями творчества Жуковского, декларировавшего в стихах: «Жизнь и поэзия одно», что его произведения следует читать, применяя к ним биографический код. Биографию Жуковского сразу же стали преподавать и в школе; о важности изучения биографии главнейших русских писателей говорится и в учебных программах для гимназий, при этом особо выделяется Жуковский. Мы попробуем показать, как в дореволюционной русской школе изучалась биография В.А. Жуковского, то есть каким образом авторы школьных хрестоматий и учебников ее представляют, на каких источниках основываются, что акцентируется и что, наоборот, нивелируется, когда (в какой период) биография Жуковского обогащается новыми сведениями и почему.

Нам кажется важным изучать не только то, как было представлено творчество Жуковского в школьных программах и учебниках, но и то, как посредством школьных штудий в восприятии русской читательской аудитории складывалось представление о поэтической и биографической личности Жуковского, какие факты его жизни были актуальны для читателя на разных этапах развития школьного образования.

Во многом поэтический и человеческий облик Жуковского формировался у учеников авторами учебников и хрестоматий. Конечно, не всегда и не только авторами учебников – учитель мог пользоваться и дополнительными материалами. Кроме того, порой складывалась довольно парадоксальная ситуация в соотношении знаний учащихся и учащихся. Так, А.И. Кирпичников в «Очерках по истории новой русской литературы» в статье о Гоголе, описывая преподавание литературы в Нежинской гимназии высших наук князя Безбородко (впоследствии переименованной в лицей) в 1820-е гг., замечает: «Это было любопытное время в том отношении, что тогда ученики по литературе знали больше, чем преподаватели; последние остановились на Ломоносове и Державине, а много-много, что на Карамзине; а ученики знали наизусть и Жуковского, и Козлова, и

даже Пушкина. Над профессором Никольским, не следившим за новейшей поэзией, Гоголь и его товарищи подшучивали иногда довольно ядовито, подсовывая ему, как свои опыты, стихотворения корифеев русской словесности, и тот добродушно поправлял их или писал свое заключение „изряднехонько”» (Кирпичников 1896: 213). Кирпичников упоминает о том, что нежинские гимназисты выписывали книги вскладчину, а в гимназии была библиотека литературных журналов и книг. И все же такое положение было скорее исключением. Как правило, главные сведения о жизни и творчестве писателей ученики получали на уроках, а выученное в юном возрасте оставалось в памяти надолго, часто на всю жизнь.

Биографию обычно начинают с рождения автора. Обстоятельства же рождения В.А. Жуковского были, как известно, не совсем обычными: Жуковский – незаконнорожденный сын тульского помещика Афанасия Ивановича Бунина и турчанки Сальхи, взятой в плен во время Русско-турецких войн при Екатерине II и оказавшейся в доме Бунина. Фамилию В.А. Жуковскому дал его крестный отец – обедневший киевский дворянин Андрей Григорьевич Жуковский, сосед и приятель его отца. Дворянство Жуковский получил по своему офицерскому чину, «отслужив» фиктивно («на бумаге») четыре года в Астраханском губернском полку (записан в полк в двухлетнем возрасте). Воспитывался Жуковский в доме своего отца – А.И. Бунина, который умер, когда Жуковскому было восемь лет. Его родная мать жила в доме на странном положении полубарыни-полукрепостной, воспитывался Жуковский законной женой своего отца Марьей Григорьевной Буниной и ее дочерьми, которые были намного старше Жуковского. Одну из них, Екатерину Афанасьевну, в замужестве Протасову, он даже звал «матушкой», а другая – Варвара Афанасьевна, в замужестве Юшкова, была его крестной матерью. Жуковский рос вместе со старшими дочерьми его сводных сестер, со своими племянницами. Позже поэт был учителем младших своих племянниц (а учитель дворянских детей был в то время, как замечает Ю.М. Лотман в «Беседах о русской культуре», по своему социальному положению ниже ученика или ученицы), в одну из которых – Марию Андреевну Протасову – был влюблен и даже пытался к ней свататься, но безуспешно.

Итак, мы видим, что родственные отношения Жуковского запутаны, и биография нашего поэта сложна для изложения в школьных изданиях. Посмотрим, как с этой проблемой справляются составители хрестоматий и

учебников. Мы не будем сейчас рассматривать хрестоматии для учеников младшего возраста, поскольку в них нет биографических статей, имеются только тексты. Сразу же следует сказать, что круг рассматриваемых нами учебников и хрестоматий ограничен³ отчасти в силу недоступности нам многих изданий, отчасти ввиду необходимости сделать обозримую выборку наиболее популярных и авторитетных школьных пособий, на основании анализа которых можно прийти к некоторым предварительным выводам.

Первая известная нам хрестоматия по русской словесности, в которую уже входят сочинения В.А. Жуковского, – это книга Н.И. Греча «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе». Вышла она в Петербурге в 1812 году и была составлена специально для школы, как об этом пишет сам автор. Остальные хрестоматии стали выходить значительно позже. Объясняется это тем, что Греч был старшим учителем русского языка в Главном Немецком Училище Святого Петра, знаменитой Петершуле, это была первая школа Санкт-Петербурга и одна из старейших школ России, основанная в 1709 г. для немецкой лютеранской общины Петербурга, учились там поначалу, в основном, немцы и по-немецки. Для нужд этой школы был написан один из самых первых учебников русского языка и словесности. Автором его был предшественник Греча на его посту – И.М. Борн (родился в нынешнем Раквере, тогда – Везенберг), инициатор и председатель «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», заседания которого происходили как раз в здании Петершуле. В пособие Борна

³ Мы рассматриваем следующие издания:

- 1) Греч Н. Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. СПб., 1812.
- 2) Греч Н. «Опыт краткой истории русской литературы». СПб., 1822.
- 3) Пенинский И. Российская хрестоматия, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1834.
- 4) Галахов А. Полная русская хрестоматия. В трех частях. Часть III. Примечания. СПб., 1859.
- 5) Филонов А. Русская хрестоматия, с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений. В 4 частях. СПб., 1878.
- 6) Водовозов В. «Новая русская литература (от Жуковского до Гоголя включительно). СПб., 1895.
- 7) Галахов А. Истории русской словесности, древней и новой: В 2 т. М., 1894. Т. 2: От Карамзина до Пушкина.

Жуковский пока еще не включен: «В «Кратком руководстве к российской словесности» (1808) И.М. Борна помещен небольшой, один из первых в учебных книгах по словесности, очерк истории русской литературы от древнейших ее памятников до Карамзина» (Богданова 1999: 30).

Таким образом, в Немецком училище уже некоторое время читался курс русского языка и словесности, и на основании этого курса был написан учебник, тогда как в остальных школах России такого отдельного предмета, как «русский язык» или «русская словесность» на тот момент еще не существовало (о чем мы писали во «Введении»). Немецкая школа, по понятным причинам, нуждалась в курсе русского языка и оказалась колыбелью первых русских учебников и пособий по языку и словесности. Собственно говоря, и хрестоматия Греча была задумана как пособие для упражнения в русском языке.

Греч пишет о том, что эта книга была составлена по поручению директора училища И.И. Вейссе, который определил и главные принципы отбора текстов для хрестоматии. Приведем некоторые из них: «1) Избрать места из лучших российских сочинений и переводов, для чтения перевода и разбора их в классах. К трудам знаменитейших российских авторов присовокупить сочинения и переводы писателей второй степени, дабы учащиеся, сравнивая их с первыми, научались отличать хорошее и изрядное от лучшего и прекрасного, и тем образовали свой вкус в Словесности. <...> 2. Наблюдать, чтоб каждая статья, сверх красот в отношении к языку и красноречию, заключала в себе какие-нибудь полезные истины, или имела нравоучительную цель, и чтобы в сей книге не было ничего противного благопристойности, двусмысленного или могущего возбудить в юношах вредное любопытство. <...> 4. Поместить в заключении краткие известия о жизни и творениях писателей, которых труды внесены в сие собрание» (Греч 1812: I–III).

Надо сказать, что правила эти очень похожи на те, которые потом будут в несколько иной форме прописаны в гимназических учебных программах Министерства народного просвещения. Греч следует правилам, установленным директором. Он приводит, например, оригинальный текст на французском языке и несколько переводов сочинения Бюффона «Человек по сотворении или открытие чувств»: переводы Лепехина, Малиновского и Карамзина, чтобы ученики учились отличать «хорошее от лучшего». Из Жуковского Греч включает в раздел «Подлинники» славянскую повесть «Вадим», а в раздел «Переводы» –

«Кабуд путешественник». Первое, предполагаем, – как образец стиля, а последнее – имея в виду и нравоучительную цель.

Биографические сведения об авторах в этом издании скудны, что объясняется целью этого пособия – скорее обучение языку и переводу, чем истории русской словесности. Биографические статьи построены по одному принципу: называется чин автора, его звания и должности, год рождения, место обучения, место службы и основные публикации. Это – послужной список с прибавлением некоторых оценочных суждений автора пособия о некоторых сочинениях авторов. Жуковскому на момент выхода издания 29 лет, Греч помещает о нем скромную биографическую справку: «Жуковский, Василий Андреевич. Родился 1783 года; учился в Тульском Главном Народном Училище и в благородном Университетском пансионе в Москве до 1802 года. Служил в Соляной Конторе, из которой вышел с чином Титулярного советника. Он издавал в 1808 и 1809 годах один, а в 1810 с М. Тр. Каченовским Вестник Европы, перевел Флорианова Дон-Кишота в шести частях (Москва 1804), а в 1810 и 1811 издал в пяти частях Собрание Русских стихотворений. Многие его прозаические сочинения и переводы (из сочинений отличны: повесть Марьиной роща, перевод Гетева стихотворения: Моя Богиня; Балады: Людмила, Двенадцать спящих дев и пр.) помещены в разных книжках В. Европы» (Греч 1812: 433).

Греч пишет о том, что известия о жизни и творениях современных писателей «доставлены самими гг. авторами» либо «сообщены от посторонних особ» (Греч 1812: IV). Надо сказать, что при составлении биографической справки Греч, очевидно, принимает в качестве образца «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н.И. Новикова: он повторяет композиционный принцип статей Новикова – не просто дает справку биографического характера, но и оценивает творчество авторов.

У нас нет сведений о том, использовалось ли издание Греча в других школах, но, учитывая недостаток в школьных учебниках и пособиях по русской словесности на момент вхождения предмета «русский язык и словесность» в школьную программу, можно предположить, что этой книгой могли пользоваться наряду с его же «Учебной книгой русской словесности» и «Опытом краткой истории русской литературы», вышедшими отдельным изданием в 1822 г. Последняя книга имеет уже другую цель и рассчитана на более широкую аудиторию. Сам Греч пишет о том, что книга эта «назначается для руководства в

преподавании истории русской литературы» (Греч 1822: II), это не хрестоматия, а учебник, в котором излагается история русской литературы и приводятся биографические сведения о русских литераторах. Греч так отвечает на критику составленных им писательских биографий: «Многие читатели наши, ссылаясь на поговорку Княжнина, что Рафаэль не бывал коллежским ассессором, находят лишними известия о обстоятельствах жизни и службы писателей. Мне кажется мнение сие не весьма основательным: нам приятно, а нередко и необходимо нужно знать обстоятельства жизни писателя, чтобы основательнее судить о его произведениях» (Греч 1822: V).

Биографическая справка о Жуковском, в целом, построена так же, как и в книге 1812 г., но к тому времени положение поэта существенно изменилось, поэтому и тон заметки, и акценты здесь совсем другие. Греч сообщает те же биографические данные и добавляет новые: в 1816 г. вышло первое издание сочинений Жуковского, отмеченное императором, который назначил поэту пожизненный пенсион по 4000 р. в год. В 1817 г. Жуковский принят ко двору «для преподавания наставлений в российской словесности Ея Императорскому Высочеству Великой Княгине Александре Феодоровне» (Греч 1822: 304), в 1819 г. выходит второе собрание сочинений. Греч пишет о том, что Жуковский начал писать с 1802 г. (это год публикации «Сельского кладбища» в «Вестнике Европы», но Греч об этом не упоминает), и первые же его опыты возбудили всеобщее внимание любителей словесности. Если в 1812 г. из сочинений Жуковского Греч отмечал «Марьину рощу», «Мою богиню», «Людмилу» и «Двенадцать спящих дев», то теперь «превосходнейшим» называет «Певца во стане русских воинов» (год издания хрестоматии – это десять лет от начала Отечественной войны 1812 года). Греч отмечает также, что Жуковский перевел несколько актов из «Орлеанской девы» и отрывок из романа «Лалла-Рук». Заметим, что это – актуальнейшие новости. Автор учебника приводит также длинную цитату из «Общей характеристики русских поэтов» П.А. Плетнева о творчестве Жуковского, о том, что Жуковский и Батюшков открывают новый период в русской поэзии, после них поэты, даже третьестепенные, заговорили на новом, благозвучном и гармоническом языке, Жуковский – основатель романтизма в России.

Следующая по времени доступная нам хрестоматия – «Российская хрестоматия, или отборныя сочинения отечественных писателей в прозе и

стихах» Пенинского 1834 г. не содержит ни биографических справок, ни комментариев, ни заданий, это просто собрание текстов.

За ней следует «Полная русская хрестоматия» А.Д. Галахова. Мы пользовались экземпляром 1859 г., а первое издание вышло в 1843 г. Галахов преподавал русский язык и словесность сначала в училищах, потом руководил кафедрой русской словесности при Николаевской академии Генерального штаба и был профессором Петербургского Историко-филологического института. Автор статьи о Галахове в биографическом словаре «Русские писатели: 1800–1917» Е.И. Кийко замечает, что Галахов считал просвещение путем преодоления социального зла, а составление хрестоматий и учебников стало претворением этой идеи в жизнь.

В хрестоматии 1859 г. Галахов приводит достаточно подробную летопись жизни и творчества Жуковского, пишет о его значении для истории русской литературы, выделяет периоды его поэтической деятельности, классифицирует его произведения и коротко пересказывает отрывок из «Одиссеи». Главной заслугой Жуковского он называет введение романтизма: «Поэтическая деятельность Жуковского может выразиться так: до него поэзия наша выражала направление классическое; он ввел в нее романтизм» (Галахов 1859: 106). Здесь Галахов повторяет мысль, впервые выраженную В.Г. Белинским: «Заслуга Жуковского состоит в том, что он ввел в русскую поэзию романтизм» (Белинский 1955: 143). Е.И. Кийко отмечает, что Галахов находился под влиянием эстетических взглядов критика, был лично знаком с ним, состоял в переписке. Безусловно, Галахов был хорошо знаком и с критическими статьями Белинского. В хрестоматии Галахов пишет о том, что Жуковский поднял романтическую поэзию на такую высоту, что трудно уже ожидать хороших произведений в том же роде. В качестве источников для составления биографии Жуковского автор указывает статью Плетнева о Жуковском, речь С.П. Шевырева «О значении Жуковского в русской жизни и поэзии» и «Воспоминание о В.А. Жуковском» А.П. Зонтаг, опубликованное в журнале «Москвитянин». В 1853 г. сочинение Плетнева «О жизни и сочинениях В.А. Жуковского» вышло отдельным изданием. А.П. Зонтаг рассказывает и анекдот о появлении в поместье Бунина матери Жуковского, который позже был подхвачен биографами Жуковского и до недавнего времени неизменно встречался и в художественных произведениях, и в популярных биографиях, и в научных исследованиях.

В 1852 г. в «Отечественных записках» были опубликованы три статьи самого Галахова: «Василий Андреевич Жуковский. Материалы для определения его литературной деятельности», которыми он тоже мог пользоваться. В первой статье автор высказывает уже идею о том, что творчество поэта необходимо рассматривать в его развитии, важно наблюдать возрастание его таланта, его внутреннюю эволюцию. Этот принцип Галахов реализует в своей «Исторической хрестоматии нового периода русской словесности». В биографической статье «Полной русской хрестоматии» мы находим прямые цитаты из Плетнева, например: «Ревностный к должности своей учитель не угадал призвания ученика: из него хотели сделать математика, а он все оставлял для поэзии» (Галахов: 1859: 99).

Посмотрим, как рассказывает Галахов о происхождении и детстве Жуковского: «Жуковский (Василий Андреевич) род. 1783 г., тульской губ., белевского уезда, в селе Мишенском, в доме Афанасия Ивановича Бунина, где и провел детство свое и большую часть первой молодости. Рано лишившись отца, он остался на попечении матери своей» (Галахов 1859: 99). Описание этого эпизода очень близко к Плетневу, переставлено только слово «свой». У Плетнева: «В раннем еще детстве Жуковский лишился своего отца. Он остался на попечении матери». Эта перестановка может быть и не случайной, ведь Галахов не называет А.И. Бунина отцом Жуковского (вероятно, чтобы не вызвать у учащихся вопросов о различии фамилий отца и сына), здесь сказано лишь, что поэт родился в доме Бунина. Ни в книге Плетнева, ни в хрестоматии Галахова история отношений Жуковского и Маши Протасовой не описывается.

Филонов в «Русской хрестоматии» 1878 г. в примечаниях в «Кубку» рекомендует читателям обратиться к биографии Жуковского, написанной П.А. Плетневым, а в других местах, касающихся творчества Жуковского, приводит цитаты из Галахова и Белинского.

Книгу В.И. Водовозова следовало бы поместить после «Истории русской словесности» Галахова, поскольку мы пользовались экземпляром 1895 г., но первое ее издание вышло в 1866 г. Доступный нам экземпляр не содержит новых по сравнению с уже упомянутыми книгами биографических сведений. Возможно, этот раздел (который вынесен у Водовозова в примечания) не редактировался при выходе переизданий. В книге «Новая русская литература (от Жуковского до Гоголя включительно)» В.И. Водовозов описывает историю рождения

Жуковского еще более обтекаемо, он вообще не называет фамилии отца поэта, разумеется, не упоминает и об эпизоде зачисления будущего поэта в полк ради получения дворянства: «Жуковский родился 29-го января 1784 г. <sic!> в селе Мишенском, недалеко от уездного города Тульской губернии Белева. Он сначала развивался посреди женского общества родной семьи в Туле, а окончил свое образование в Москве, в благородном университетском пансионе» (Водовозов 1895: 21). Зато автор книги подробно пишет о красотах природы, которыми любил наслаждаться юный Жуковский. Водовозов, как и многие авторы, писавшие о поэте, повторяет идею, высказанную впервые, кажется, Плетневым, о том, что характер Жуковского, отразившийся и в его поэзии, сформировался под влиянием женского общества, его окружавшего с детства, и красот сельской природы. Отметим, что Водовозов вслед за Плетневым отсчитывает новую эпоху в русской литературе от Жуковского. Белинский, как известно, так не считал: «Периода, означенного именем Жуковского, не было в русской литературе» (Белинский 1955: 142), полагая, что творчество поэта пришлось на конец карамзинской эпохи в литературе, а потом совпало с эпохой пушкинской.

В «Истории русской словесности, древней и новой» Галахова Жуковскому посвящен уже большой раздел. Следует заметить, что мы пользовались третьим изданием этой книги, 1894 г. Вопрос о том, появились ли новые детали биографии Жуковского уже в первых двух изданиях (1863 и 1875 гг.) или в переизданиях, и когда подробности частной жизни поэта впервые входят в учебник – это предмет дальнейшего изучения. История рождения Жуковского рассказывается здесь уже без умолчаний, только в годе рождения сделана опечатка (1787 вместо 1783): «Василий Андреевич Жуковский (1787–1852), сын Афанасия Ивановича Бунина, родился в имении последнего – селе Мишенском, тульской губернии, в трех верстах от Белева. Мать его, Елизавета Дементьевна, была крещеная пленная турчанка. Фамильное имя он получил от своего крестного отца, Андрея Григорьевича Жуковского. По смерти Бунина (1790) он остался на попечении вдовы его, Марьи Григорьевны, полюбившей мальчика, как родного сына, и своей матери, женщины хотя без всякого образования, но добрых нравственных качеств» (Галахов 1894: 220).

Все эти сведения сообщались уже в сочинении К.К. Зейдлица, опубликованном в 1883 г. к столетнему юбилею поэта, а затем и в юбилейной

книге Л.И. Поливанова «В.А. Жуковский и его произведения» (Загарин 1883). В этой же книге подробно рассказывалась и история взаимоотношений Жуковского и Марии Андреевны Протасовой. Галахов не только пишет об этом сюжете, но и комментирует некоторые стихотворения Жуковского, применяя этот любовный код: «Он питал глубокую любовь к своим племянницам, Протасовым. Его намерение жениться на старшей (Марье Андреевне), могло бы исполниться, если бы мать их в родственных отношениях не видела причины своему упорному отказу» (Галахов 1894: 236). Далее Галахов цитирует письмо Жуковского А.И. Тургеневу 1810 г. и пишет о том, что общий меланхолический тон поэзии Жуковского и множество стихотворений на тему несчастной, невозможной любви, препятствий в любви и т.п. было вызвано отказом матери Марии Андреевны. Более того, даже стихотворения на случай, например, стихотворение «На смерть Ее Величества королевы Виртембергской» проникнуты личными, интимными переживаниями поэта. Галахов приходит к выводу, что «поэзия Жуковского горела чистым и ровным светом, зажженным «тоскою по благам прежних лет»» (Галахов 1894: 241).

Галахов очень высоко оценивает вклад Жуковского в русскую литературу, пишет о большом значении его переводов, которые следует считать оригинальными сочинениями, поскольку у Жуковского все чужое и все его (заметим в скобках, что именно в последних хрестоматиях Галахова при переводных сочинениях указывается только фамилия Жуковского). Галахов пишет даже, что переводы явились вершиной творчества Жуковского. Это снова цитата из Белинского: «Венец поэзии Жуковского составляют его переводы и заимствования из немецких и английских поэтов» (Белинский 1955: 141), ср. также: «Брал свое везде, где только находил его» и далее (Белинский 1955: 167).

Если еще в хрестоматии 1859 г. Галахов, вслед за Белинским, ценил Жуковского прежде всего как отца романтизма в русской литературе, то теперь он сам полемизирует с этой точкой зрения: «История нашей литературы обыкновенно поставляла заслугу Жуковского в том, что он ввел к нам романтизм. <...> Он романтик, как все поэты христианского мира, парившие над жизнью своими идеалами <...> Он романтик и потому, что лучшие его стихотворения отступали от правил французского классицизма» (Галахов 1894: 205–252). Но теперь главное значение поэта Галахов видит в том, что «поэтические произведения Жуковского обогатили нашу лирику новым, плодотворным

содержанием, которое составляет важный момент в ее историческом развитии. Они впервые раскрыли перед нами внутренний мир человека, мир его души, как предмета, наиболее достойного вдохновенных песен. Душевная исповедь служит господствующей их темой, не возбуждавшей до того сочувственного внимания писателей, которые притом и не были к тому призваны ни характером своих талантов, ни качествами своей природы» (Галахов 1894: 246).

То, что Жуковский оказался способен к такой душевной исповеди, к тонким душевным переживаниям, Галахов связывает с биографическими обстоятельствами его жизни: «Немногие таланты находились под таким влиянием первоначальной жизненной среды, какое испытал Жуковский» (Галахов 1894: 246). И далее: «Поэзия Жуковского есть звучный отголосок, вернее откровение его собственной жизни» (Галахов 1894: 246). Здесь мы видим очередной повтор идей Плетнева и Белинского.

Интересно сравнить биографию Жуковского в школьном изложении с биографиями других авторов, в особенности таких, чья биография включает в себя сведения, которые из-за цензуры не могли быть сообщены в изданиях для школы или, по крайней мере, изложение которых представляло определенные трудности. Первый автор, подходящий под такое описание, это, несомненно, А.С. Пушкин. Пушкин появляется уже в книге Н. Греча 1822 г. «Опыт краткой истории русской литературы». Греч приводит краткий, так, впрочем, никогда и не ставший длинным, послужной список поэта, пишет о том, что Пушкин в 1820 г. перешел в канцелярию генерал-лейтенанта Инзова, не упоминая, конечно же, о причинах перевода.

В «Полной русской хрестоматии» Галахова 1859 г. жизнеописание Пушкина дано уже подробнее. И все же Галахов не раз применяет фигуру умолчания: он не упоминает ни о происхождении поэта, ни о причинах его перевода на юг в 1820 г. в канцелярию генерал-лейтенанта Инзова, ни о характере его пребывания в Михайловском в 1824–1826 гг., ни о предметах романтических увлечений Пушкина, ни о его многочисленных дуэлях, ни о причине смерти поэта. Все сложные места аккуратно обойдены автором хрестоматии, но все же внимательный читатель может заметить некоторые намеки на особые обстоятельства. Так, например, Галахов замечает: «Честь, можно сказать, рыцарская была основанием его поступков, и он не отступил от нее ни одного раза в жизни» (Галахов 1859b: 128).

«Рыцарская честь» здесь – очень важное понятие. Это не просто, как нам кажется, описательная характеристика Пушкина, и Галахов употребляет это понятие неслучайно. Ю.М. Лотман в «Беседах о русской культуре» говорит: «Русский дворянин XVIII – начала XIX века жил и действовал под влиянием двух противоположных регуляторов общественного поведения. Как верноподданный, слуга государства, он подчинялся приказу. <...> Но в то же время как дворянин <...> он подчинялся законам чести» (Лотман 1994: 164). Читателям XIX в. было известно, что законы чести требовали вызова на дуэль в случае, если было нанесено оскорбление, несмотря на то, что законодательно дуэли были запрещены и нарушителям такого запрета грозило серьезное наказание. Лотман приводит далее мнение Николая I о дуэлях: «Я ненавижу дуэли; это – варварство; на мой взгляд, в них нет ничего рыцарского» (Лотман 1994: 166).

Таким образом, Галахов как автор школьной хрестоматии и как человек, находящийся на государственной службе, с 1863 г. являвшийся членом Ученого комитета Министерства народного просвещения, сообразуясь со своей внутренней цензурой и имея в виду цензуру внешнюю, не мог написать о дуэлях Пушкина, но как дворянин оправдывает поэта. Далее Галахов будто бы предупреждает юных читателей на тот случай, если им придется читать некоторые тексты поэта «вольного содержания», о том, что не ко всему, написанному Пушкиным, следует относиться серьезно: «Он без сожаления тратил время на ничтожные забавы, к числу которых надобно отнести сочинение некоторых шуточных стихотворений». О южной ссылке Пушкина Галахов пишет как о «периоде страннической жизни поэта». Говоря о переезде Пушкина в Кишинев, Галахов замечает: «Отсюда началась, в некотором смысле, кочевая жизнь поэта» (Галахов 1859b: 129). Отметим эту оговорку – «в некотором смысле». Галахов отмечает также, что в этот период Пушкин сочувствует Байрону. Читатель, знакомый с биографией Байрона, может прочитать это «сочувствует» как переживание сходства некоторых биографических сюжетов двух поэтов: вынужденное путешествие поэта на юг, вызванное конфликтом с обществом и властью. О смерти Пушкина Галахов пишет, не называя причины, ее вызвавшей, так: «Как бы предчувствуя близость кончины своей, он назначил подле могилы ея <матери. – О.Ф.> и себе место, и скончался тридцати шести лет. Последние минуты его жизни описаны Жуковским. Представляем одно место из этого красноречивого описания: «Так тихо, так спокойно удалилась душа его. Мы

долго стояли над ним молча, не шевелясь, не смея нарушить таинства смерти, которое совершалось перед нами во всей умиленной святине своей...» (Галахов 1859b: 131).

Галахов выбирает бесконфликтный текст Жуковского о величественной красивой смерти поэта. Автор школьной хрестоматии, конечно, не может рассказать ни о том огромном резонансе в обществе, который вызвала безвременная кончина поэта, ни о знаменитом стихотворении М.Ю. Лермонтова, ни о не менее знаменитом некрологе В.Ф. Одоевского. Заметим, что первое издание «Полной русской хрестоматии» Галахова вышло в 1843 г., еще при императоре Николае, доступный нам экземпляр – 1859 г., издание восьмое, однако, «без перемен» напечатано с издания 1857 г. Это уже время правления Александра II, и все же самое его начало. Вероятно, инерция цензурной политики николаевского царствования к тому моменту еще не была преодолена. Тем более что речь идет о школьной хрестоматии, так что кроме общей цензуры и цензуры Министерства народного просвещения, автор пособия сверялся, видимо, и с автоцензурой. Конечно, в таких условиях в школьной хрестоматии биография Пушкина без купюр была немыслима.

Интересно, что похожие приемы Галахов использует и при изложении биографии К.Н. Батюшкова в той же хрестоматии. Прямо не называя характер болезни поэта, он в то же время замечает, что «болезнь развилась до такой степени, что Батюшков умер заживо для поэзии» (Галахов 1859b: 171), и чуть далее: «Болезненное состояние его перешло в более спокойное и не опасное ни для кого». По этим фразам читатель вполне может догадаться, что это была душевная болезнь, однако откровенно Галахов об этом не говорит.

Сопоставив биографию Жуковского с биографиями других поэтов, мы замечаем, что, хотя общий принцип остается тем же: о вещах двусмысленных и «непристойных» не говорится, но в случае с Пушкиным табуированного оказывается слишком много, и причины умолчания совсем другие. У Жуковского не было открытых конфликтов с властью, наоборот, он делает завидную карьеру при дворе, имя Жуковского не было связано со скандалами, его не причисляли к «опасным». С этим связан и выбор Галаховым авторской стратегии при пересказе биографии поэтов: Жуковский предстает перед учениками главным образом как наставник правящего императора, благоговейно относившийся к своей «священной обязанности» (Галахов 1859b: 101), подчеркивает автор и особую

милость императора к Жуковскому. Пушкин у Галахова – поэт необыкновенного таланта, одаренный живостью ума, остроумием, прямым и благородным характером, пылкий, пронизательный, но излишне рассеянный, непостоянный в труде, не имеющий любви к жизни созерцательной, склонный к легкомысленным и необдуманным поступкам. По Галахову, Пушкин только в последние годы «был особенно счастлив, пользуясь всеобщим уважением» (Галахов 1859b: 101), а его беспокойная натура преображается в торжественном, величественном таинстве смерти, о чем свидетельствует длинная цитата из письма-статьи Жуковского.

Любопытно было бы сравнить, как изменилась биография Пушкина у Галахова в 1894 г. в «Истории русской словесности, древней и новой», но в этой книге автор не пишет о Пушкине. Зато о Пушкине пишет В.И. Водовозов в «Новой русской литературе» (Водовозов 1895). О происхождении поэта автор рассказывает так: «Происходил по отцу от старинного рода бояр Пушкиных, по матери – от негра, Абрама Петровича Ганнибала, любимца Петра Великого» (Водовозов 1895: 94). Автор книги пишет прямо, что на юг в 1820 г. Пушкин был переведен «за некоторые вольные стихи» (Водовозов 1895: 95). О переезде в Михайловское Водовозов пишет без умолчаний: «Ему приказано жить в своей деревне» (Водовозов 1895: 95), так же, как и о причине смерти поэта: «Пушкин был смертельно ранен на поединке с Дантесом» (Водовозов 1895: 95). Примечательно, что Водовозов отмечает усиливающееся религиозное настроение Пушкина в последние годы его жизни.

Если в «Полной русской хрестоматии» Галахова мы наблюдаем лакуны во всех рассмотренных нами биографиях, то в книге Водовозова биография Пушкина рассказывается уже довольно открыто, в то время как биография Жуковского не пополняется новыми сведениями. Возможно, это объясняется тем, что к 1895 г. Пушкин уже безоговорочно занимал центральное место на русском Парнасе, а биография Жуковского была автору книги не так интересна, в отличие от Галахова, который специально занимался исследованием жизни и творчества Жуковского. Возможно, Водовозов не редактировал биографию Жуковского при переизданиях, а в 1866 г., когда вышло первое издание книги, еще не были опубликованы книги К.К. Зейдлица и Л.И. Поливанова, раскрывшие многие подробности жизни поэта.

Итак, мы видим, что биография Жуковского не сразу стала доступна учащейся читательской аудитории. Хотя некоторым современникам Жуковского

были известны подробности его жизни, тот же Н.И. Греч, который так скупно делится биографическими сведениями о поэте в своих учебниках, подчеркивая его придворные заслуги и официальные титулы, рассказывает и о происхождении Жуковского, и о его влюбленности в племянницу в своих воспоминаниях «Записки моей жизни». В первых школьных пособиях у Греча сообщается только послужной список поэта. Затем, после публикации заметки А.П. Зонтаг и книги Плетнева, авторы учебников и хрестоматий излагают биографию Жуковского, пользуясь, главным образом, этими источниками. Многие авторы в оценках творчества Жуковского находятся под явным воздействием критических статей В.Г. Белинского. Только в самом конце XIX века после выхода книги Зейдлица, а позже Л.И. Поливанова о Жуковском его биография вошла в школьный учебник обогащенной подробностями и о происхождении, и о личной любовной драме поэта и позволила посмотреть на наследие Жуковского с новой точки зрения.

Таким образом, это не просто дополнение фактической канвы. Опубликованные письма и дневники Жуковского, раскрывающие внутреннюю жизнь поэта, заставили по-иному взглянуть на его творчество, пересмотреть его значение для русской литературы в целом. Галахов в «Истории русской словесности» пишет об этом так: «Мы имеем право сказать о произведениях Жуковского, что они – *поэтическая летопись его личной судьбы, преимущественно его романической любви*» (Галахов 1894: 243).

Несомненно, сам факт проникновения в школьные учебники в конце XIX века биографических сведений, которые невозможно было представить себе еще за несколько десятилетий до этого, связан и с изменением цензурной ситуации и общего политического климата, и с существенными изменениями в общественной жизни государства в целом, а следовательно – с изменением взгляда на школу, с появлением новых концепций преподавания и обучения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучению жизни и творчества В.А. Жуковского посвящена богатая научная литература, однако проблема описания места поэта в российском школьном каноне все еще не решена. Единственная известная нам работа, затрагивающая эту тему, – бакалаврское сочинение Лауры Рооп «Жуковский в Эстонии и в эстонском культурном контексте в XIX – начале XX вв.» – включает в себя некоторые важные наблюдения, но не раскрывает интересующую нас тему, поскольку перед автором стояли несколько иные задачи – в том числе, описание места Жуковского в программах учебных заведений Эстонии и в учебных пособиях, использовавшихся в школах Эстонии. В нашей работе мы лишь обозначили научную проблему и попытались в первом приближении описать представленность Жуковского в российских программах по литературе XIX века. Этому посвящена первая глава нашего сочинения, в которой мы реферлируем доступные нам издания учебных программ XIX века по курсу российской словесности, использовавшихся в российских учебных заведениях разной направленности: в реальных училищах, в высших народных училищах, мужских гимназиях и прогимназиях, в женских гимназиях и прогимназиях, в военно-учебных заведениях, в кадетских корпусах. Итогом стал выявленный нами перечень учебников, учебных пособий и хрестоматий, предписанных программой по российской словесности (на данном этапе работы нам удалось ознакомиться лишь с малой частью перечисленных нами в первой главе изданий), а также корпус текстов Жуковского, которые входили в разные школьные программы по словесности. Этот материал в перспективе еще предстоит проанализировать. Изучение изменений, касающихся представления личности и творчества Жуковского в школьных программах, а также факторов, вызвавших эти изменения – также предмет будущего научного исследования.

Вопрос о практическом соотношении официальных учебных программ, хрестоматий, учебников и учебных пособий и применения их, и других на уроках русского языка и словесности в гимназиях для нас еще не вполне ясен. Обзор программ по литературе показал, что в них приводится некоторый минимум, который может расширяться учителем, и дан список рекомендованной литературы. Следующим логическим шагом нашего исследования должно стать изучение хрестоматий по русской словесности, упомянутых в различных учебных

программах. На данном этапе исследования мы просмотрели лишь некоторые из этих хрестоматий. Рассмотрение программ показало, что для начальных классов список художественных произведений не приводится, зато перечисляются хрестоматии и учебные пособия, по которым рекомендуется заниматься чтением, пересказом, заучиванием наизусть и грамматическими упражнениями. Таким образом, необходимо изучить рекомендованные хрестоматии и учебники для того, чтобы выявить список текстов, которые могли изучаться на первом этапе обучения. В просмотренных нами хрестоматиях для младшего школьного возраста («Учебная русская хрестоматия с толкованиями» П. Полевого, «Русская хрестоматия для двух первых классов средних учебных заведений» Л. Поливанова, «Детский мир и хрестоматия» К. Ушинского) тексты Жуковского представлены по-разному. Так, в «Русской хрестоматии для двух первых классов средних учебных заведений» Льва Поливанова Жуковский является одним из самых популярных авторов после Пушкина и Крылова. В хрестоматии Поливанова представлены следующие тексты Жуковского: «Птичка», «Жаворонок», «Солнышко», «Утренняя звезда», «Мщение», «Выбор креста», «Человек и верблюд», «Каннитферштан», «В римском цирке», «Предание об Александре Македонском», «Суд Божий над епископом», «Многолетие», «Народный гимн», «Спящая царевна», «Мальчик с пальчик», «Война мышей и лягушек», «Животные перед судом Миноса». В хрестоматии Ушинского из текстов Жуковского мы находим следующие: «Песня бедняка», «Летний вечер», «Как мыши кота хоронили», «Лесной царь», т.е. всего 4 текста против 17 у Поливанова. Столь существенная разница объясняется тем, что историк русской словесности Поливанов специально занимался Жуковским, ему принадлежит несколько работ о поэте, в том числе и книга «В.А. Жуковский и его произведения», о которой мы упоминали во 2 главе нашего сочинения. В хрестоматии Ушинского же рейтинг русских поэтов выстраивается таким образом: на первом месте законно располагается Крылов с 20 текстами, на втором – Пушкин (10), третье место занимает Кольцов (9), а четвертое – Никитин (5), за ним следует Жуковский (4). Это также легко объясняется взглядами автора хрестоматии, его убеждениями о необходимости демократизации образования и народного воспитания. Ушинский выбирает авторов, которые будут понятны и близки ученикам из народа. При этом он, конечно, не может совершенно обойти вниманием Пушкина, но разница между количеством приведенных текстов

Пушкина и количеством текстов Кольцова – всего в 1 текст, это говорит о многом.

В 1-й части «Учебной русской хрестоматии с толкованиями» для младшего возраста П. Полевого мы находим следующие произведения Жуковского: «Мальчик с пальчик», «Святочный вечер», «Две загадки», «Овсяный кисель». Причем в стихотворении «Овсяный кисель» комментируется чуть ли не каждый стих, даются задания, весьма далекие от изящной словесности, например, толкования такого рода: ««Всякий дар нам совершен и даяние благо» – известное выражение молитвы. <...> Овес принадлежит к яровым хлебным растениям, т.е. к таким, которые сеются весной, а убираются осенью; рожь, напротив того, к озимым, т.е. к таким, которые сеются в конце лета, зимуют в поле, и созревают уже только к концу следующего лета». По поводу столь подробных примечаний Полевого Л. Поливанов иронизирует в предисловии к своей уже упомянутой выше детской хрестоматии: «При стихе: «Журавль свой долгий нос... засунул Волку в пасть» припоминается глагол *пасть*, да еще, ко всему этому, задается вопрос: что такое *пясть*, *пясточка*, *пест*, *пестик*, в ступе и в цветке, *перст* и *наперсток*? Затем требуется объяснение пословицы: «его в ступе пестом не истолчешь»... И все это по поводу пасти волка, в которую засунул журавль свой нос». И далее: «Вот до чего можно дойти, если не уяснить себе цели» (Поливанов 1894: IV). Полевой, по всей вероятности, учел критику, поскольку в том переиздании, которым пользовались мы, «пасть», хотя и комментируется, но уже не столь широко: ««Волк и журавль», «Толкование для ученика»: «евиши, сравнить со словом ехавши. Проспрягайте настоящее время от глагола: ехать; как будет от глаг. поехать и поехать будущее время?... пасть (зверя), пасть (действие)» (Полевой 1902: 60). Этот эпизод демонстрирует нам то, что отдельные хрестоматии не существовали изолированно, они взаимодействовали друг с другом, их выход сопровождался рецензиями и критическими отзывами, после которых хрестоматии дорабатывались и частично исправлялись, это был живой процесс. Кроме того, авторы хрестоматий, как правило, все были преподавателями и имели возможность апробировать плоды своих трудов в классе. Так, Л. Поливанов в предисловии к «Русской хрестоматии», говоря о необходимости формирования навыка беглого чтения у учеников, приводит примеры текстов, содержание которых воспринимается с большей легкостью, например, сказки: «Но и в числе сказок не все обладают наивною простотою,

напр. «Войны мышей», так успешно читаемой с учениками 1 класса» (Поливанов 1894: IX). Таким образом, авторы хрестоматий принимали во внимание и адресата своих трудов, опираясь на собственный педагогический опыт. Интересно также, что, например, в хрестоматии Ушинского некоторые стихотворения записаны в строчку, при том, что другие стихотворения приводятся в привычном виде, а в некоторых других детских хрестоматиях стихотворения пересказываются прозой.

Среди хрестоматий для старших классов, как мы уже упоминали во Введении, выделялись хрестоматии А.Д. Галахова. Закономерно начать изучение корпуса текстов Жуковского, представленного в хрестоматиях, именно с изданий этого автора. Сравнений списков текстов, данных в различных хрестоматиях, а также сравнение интерпретаций, комментариев, вопросов и заданий к одному и тому же тексту в разных изданиях могло бы дать интересные результаты. На перспективность такого рода исследования могут указывать даже итоги самого предварительного изучения. Мы сравнили четыре текста из двух изданий хрестоматий Галахова: «Полной русской хрестоматии» 1859 г. и «Русской хрестоматии» 1889 г. Эти тексты – описания одного и того же природного объекта, Рейнского водопада, авторы описаний – Н.М. Карамзин и В.А. Жуковский.

Напомним, что «Рейнский водопад» Жуковского входит во все 4 программы по русской литературе (1852, 1872, 1873 и 1890 гг.). В «Русской хрестоматии» оба текста приведены во второй половине книги, после раздела «Ораторская речь» в части «Описания» раздела «Исторические сочинения». Текст Жуковского «Рейнский водопад» отделен от текста Карамзина еще одним текстом последнего – «Рейхенбах». Отрывки из описаний в двух хрестоматиях не совпадают. В «Русской хрестоматии» 1889 г. описание Карамзина сокращено на один абзац в самом начале и один абзац в конце. Если в «Полной русской хрестоматии» отрывок кончается так: «Наконец, отпустив коляску назад в Шафгаузен, наняли мы лодку и поплыли вниз по Рейну. Несколько раз обращались глаза мои на водопад: он скрылся – но шум его долго еще отзывался в моем слухе» (Галахов 1859а: 323), то в «Русской хрестоматии» этот абзац отсутствует, а финал описания звучит так: «На противоположном крутом берегу представлялись мне старый замок Лауфен, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сие вместе составляло весьма приятный ландшафт» (Галахов 1889а: 3). Описание Жуковского также сокращается в «Русской хрестоматии». Если в

«Полной христоматии» «Рейнский водопад» Жуковского заканчивается таким образом: «...вода волнуется, солнце светит и исчезает, ветер разносит брызги, и слышный вдали шум довершает очарование» (Галахов 1859а: 325), то в «Русской христоматии» Галахов сокращает описание до следующих слов: «Но без лучей все теряет образ: мимо тебя летают с громом, свистом и ревом какие-то необъятные призраки, которые бросаются вперед, клубятся, вьются, поднимаются облаком дыма, взлетают снопом шипящих водяных ракет, один другому пересекают дорогу и, встречаясь, расшибаются вдребезги – словом, картина неописанная» (Галахов 1889а: 4). Такое сокращение, на наш взгляд, вряд ли вызвано мотивом экономии места, как нам кажется, Галахов намеренно сокращает текст до таких фрагментов, которые наилучшим образом демонстрируют различия в эстетике авторов.

В «Русской христоматии» Галахов усиливает таким образом контраст между стилистическими и эстетическими различиями двух писателей. Автор, конечно же, предлагает ученикам сравнить два описания одного и того же географического объекта, «показав, что в них общего, и что различного». В примечаниях Галахов разбирает оба эти текста, пишет о построении обоих, делит их на части, особо отмечает, что Карамзин, кроме описания «имел в виду выразить и впечатление, произведенное на него этим предметом». О Жуковском же Галахов говорит, что тот лишь «немногими словами упомянул о чувствах». То есть Галахов противопоставляет Карамзина и Жуковского по признаку чувствительности, описания чувств. Автор христоматии обращает внимание учеников на те моменты, которые связаны с эстетическими взглядами писателей, выбирает тексты, в которых лучше всего заметны знаки, позволяющие отнести их к тому или иному направлению в литературе. Так, в тексте Карамзина много говорится о чувствах, о тех впечатлениях, которые производят на рассказчика увиденные картины природы. Сам выбор слов, эмоционально окрашенных, уже говорит о многом. Финал описания Карамзина – картина умиротворения: «На противоположном крутом берегу представлялись мне старый замок Лауфен, церковь, хижины, виноградные сады и деревья: все сие вместе составляло весьма приятный ландшафт». У Жуковского в финале мы встречаем столь свойственных ему «призраков», «страшное» и «невыразимое». По нашему мнению, Галахов неслучайно сокращает в этом издании финал описания, поскольку именно финал

текста является самым сильным и запоминающимся местом для ученика, а сократив на выбранном эпизоде, Галахов подчеркнул различия двух описаний.

Третий текст из хрестоматии – это еще одно описание водопадов, только уже Иматрского и Нарвского, сочинение А. Муравьева. Здесь сразу же заметна тактика составителя: подбирать сочинения на схожую или даже одну и ту же тему различных авторов, он как бы сталкивает их друг с другом, чтобы яснее выявить их сходства и различия, может быть, литературную преемственность, с одной стороны, и развитие традиции, с другой. Например, следующий текст Жуковского из того же подраздела – это «Очерки Швеции», а следом за ним выступает Батюшков с сочинением «Финляндия», также на северную тему. И последний текст Жуковского из этого подраздела – «Утро на берегах Женевского озера».

Второй подраздел «Исторические рассказы и характеристики» снова открывает Карамзин. Галахов помещает шесть его текстов подряд. Это сочинения об исторических личностях, сыгравших важную роль в русской истории. Если мы вспомним программу Министерства Народного Просвещения, точнее, указания о том, что на уроках истории следует больше читать литературных произведений об исторических личностях, а также призыв воспитывать в учениках патриотизм и преданность царю и отечеству, популярность хрестоматий Галахова можно объяснить в том числе и наличием большого количества и таких текстов. Можно также предположить, что эта хрестоматия могла использоваться и на уроках истории.

Во втором разделе первого тома, «Рассуждения», мы находим текст Жуковского «Кто истинно добрый и счастливый человек?». В хрестоматии он следует сразу же за сочинением Карамзина «О счастливейшем времени жизни». Уже в самом названии двух этих сочинений мы видим лексические повторы, если же мы посмотрим на содержание, то найдем у Жуковского если не цитаты из Карамзина, то, по крайней мере, переключки с ним. Карамзин пишет о зрелости, и находит этот возраст счастливейшим временем жизни: «В сие время люди по большей части бывают уже супругами, отцами и наслаждаются в жизни самыми вернейшими радостями – семейственными» (Галахов 1889а: 212). Жуковский в первой же строке своего сочинения отвечает на поставленный в названии вопрос: «Один тот, кто способен наслаждаться семейственною жизнью, есть прямо добрый и, следовательно, прямо счастливый человек» (Галахов 1889а: 213). Но если у Жуковского речь идет действительно о счастье, то для Карамзина

«счастливейший» – это не превосходная, а сравнительная степень сравнения: «Везде и во всем окружают нас недостатки. <...> Сравнение определяет цену всего: одно лучше другого – вот благо; одному лучше, нежели другому – вот счастье! Какую же эпоху жизни можно назвать счастливейшей по сравнению?» (Галахов 1889а: 212).

Этот пессимистичный текст заканчивается еще более пессимистичным финалом: «Дни цветущей юности и пылких желаний! Не могу жалеть о вас. Помню восторги, но помню и тоску свою; помню восторги, но не помню счастья: его не было в сей бурной стремительности чувств к беспрестанным наслаждениям, которая бывает мукою; его нет и теперь для меня в свете; но не в летах кипения страстей, а в полном действии ума, в мирных трудах его, в тихих удовольствиях жизни единообразной, успокоенной, хотел бы я сказать солнцу: остановися! Если бы в то же время мог сказать и мертвым: восстаньте из гроба!» (Галахов 1889а: 213). Галахов в примечаниях так комментирует этот текст: «Заключение <...> соответствует главной мысли Карамзина. Так как жизнь вообще несчастна, то следовательно, не было для него счастья в юности и нет его в возмужалости. Однакож не юношей, а мужем хотел бы он продлить жизнь, если б в то же время мог воскресить любезных ему особ, с которыми был связан узами родства или дружбы (сказать мертвым: “восстаньте из гроба”» (Галахов 1889а: 395). Автор хрестоматии связывает столь мрачное настроение Карамзина с постигшим его несчастьем: в 1803 году умерла жена писателя. Финал сочинения Жуковского «Кто истинно добрый и счастливый человек?» перекликается с финалом Карамзина. Это своего рода ответ-утешение: «Но разве с утратою любезных теряется для нас воспоминание? Разве тому, кто наслаждался настоящим, не остается меланхолической, усладительной привязанности к прошедшему? <...> Кто раз наслаждался семейственными радостями, тот никогда, никогда не узнает уже одиночества: горесть будет для него некоторым образом любовью» (Галахов 1889а: 216–217).

В примечаниях Галахов указывает на то, что эта тема – утраты любимых и продолжения духовной связи с ними, встречается у Жуковского и в других произведениях, что, по убеждению автора пособия, говорит о чрезвычайной важности этой мысли для поэта: «Подобное повторение бывает нередко, если развиваемая мысль принадлежит к задушевым мыслям автора, есть, так сказать, отрывок или даже сокращение его нравственной философии, его взгляда на

жизнь» (Галахов 1889а: 397). Галахов предлагает ученикам сравнить финал сочинения «Кто истинно добрый и счастливый человек?» с отрывками из произведения «Теон и Эсхин» и из «Ундины». При сравнении, действительно, обнаруживаются почти буквальные повторы: «Для сердца прошедшее вечно./ Страданье в разлуке есть та же любовь; /Над сердцем утрата бессильна», и «Кто раз полюбил, тот на свете, мой друг, /Уже одиноким не будет...», а также «утрата для нас не утрата». Список похожих мест в других текстах Жуковского, думается, можно продолжить. Заметим, что «Рейнский водопад» и Жуковского, и Карамзина, так же, как и «Кто истинно добрый и счастливый человек?» входили в список произведений, рекомендованных ученикам к заучиванию наизусть.

Таким образом, автор хрестоматии подбирает определенные тексты и располагает их специальным образом, сокращает некоторые фрагменты и тем самым выделяет другие важные места. При этом при таком тесном соседстве внутри одного раздела или подраздела между разными текстами возникают определенные новые связи, когда тексты следуют друг за другом, преемственность или разрыв с традицией, сходства и различия как бы усиливаются автором хрестоматии. Тексты, входящие в один раздел, воспринимаются учеником как некое единство, припоминание одного стихотворения вызывает в памяти другое, за ним расположенное. Следовательно, роль автора хрестоматии в формировании у ученика представлений об истории русской словесности и месте в ней того или иного автора огромна.

Если сравнить список всех текстов В.А. Жуковского, входивших в учебные программы по литературе со списком его текстов, входивших в различные хрестоматии, разница будет огромной. Так, в соответствии с «Базой данных по русским и провинциальным учебным хрестоматиям 1800–1905» А. Вдовина, в хрестоматиях представлено 156 разных текстов Жуковского. Назовем самые частотные из них (в скобках мы указываем количество хрестоматий, в которых встречается текст):

- 1) Гимн «Боже, царя храни (Песнь русскому царю)» (32);
- 2) «Лесной царь» (22);
- 3) «Граф Гапсбургский» (21);
- 4) «Летний вечер» (21);
- 5) «Светлана» (20);
- 6) «Сельское кладбище» (20);

- 7) «Война мышей и лягушек» (19);
- 8) «Песня бедняка» (19);
- 9) «Одиссея» (отрывки) (15);
- 10) «Певец во стане русских воинов» (15);
- 11) «Утренняя звезда» (15);
- 12) «Орлеанская дева» (отрывки) (13);
- 13) «Ундина» (13);
- 14) «Ивиковы журавли» (12);
- 15) «Овсяный кисель» (12);
- 16) «Теон и Эсхин» (12);
- 17) «Шильонский узник» (12);
- 18) «Ночь» (10);
- 19) «Ночной смотр» (10);
- 20) «Опять ты здесь, мой благодатный гений» (10)
- 21) «Рейнский водопад» (9).

Как мы видим, наиболее часто встречающиеся в хрестоматиях тексты Жуковского в разные годы входили в школьные программы по литературе. По понятным причинам, гимн встречается чаще всего, удивляет, однако, отсутствие «Невыразимого». Интерпретация данных А. Вдовина – также задача будущего исследования.

В дальнейшем мы предполагаем продолжить анализ различных хрестоматий по русской словесности, упомянутых в гимназических программах. Как уже говорилось, было бы полезно изучить программы некоторых конкретных гимназий, выявить школьные сочинения по произведениям Жуковского и просмотреть мемуары гимназических учителей, преподававших в гимназиях в интересующий нас период, и некоторых учеников, там учившихся.

В нашей работе мы поставили проблему, которая еще требует дальнейшего изучения. На данный момент нам удалось в общих чертах представить то, какие произведения Жуковского предписывалось изучать школьными программами, а также то, как изучалась биография поэта в российской школе XIX века. Однако это лишь первый шаг в сторону большой темы «В.А. Жуковский в дореволюционной русской школе», связанной с еще более широкой темой формирования русского школьного канона и роли школы в этом процессе. Мы отдаем себе отчет в том, что представленная нами картина не может претендовать

на полноту и непротиворечивость в силу того, что многие источники оказались нам недоступны, а некоторые противоречия на данном этапе исследования мы не смогли разрешить. Изучение таких источников в дальнейшем, так же, как и публикация новых исследований, связанных с нашей тематикой, могут скорректировать наши выводы и предположения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

а) Постановления, программы, учебные пособия

1. Александров 1910 – *Александров В.* Подробные правила и учебные программы женских гимназий и прогимназий Министерства Народного Просвещения со всеми последними дополнениями и разъяснениями. Одесса, 1910.
2. Алексеев 1916 – *Алексеев П.* Правила и программы всех классов реальных училищ ведомства Мин. Нар. Просвещения: Свод узаконений и распоряжений со всеми дополнениями и разъяснениями к ним. Одесса, 1916.
3. Алексеев 1917 – *Алексеев П.* Правила и программы всех классов мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения: Свод узаконений и распоряжений со всеми дополнениями и разъяснениями к ним. Одесса, 1917.
4. Буслаев 1890 – *Буслаев Ф.* Общий план и программы обучения языкам и литературе в женских средне-учебных заведениях. СПб., 1890.
5. Водовозов 1895 – *Водовозов В.* Новая русская литература (от Жуковского до Гоголя включительно). СПб., 1895.
6. Водовозов 1868 – *Водовозов В.И.* Словесность в образцах и разборах. СПб., 1868.
7. Галахов 1859а – *Галахов А.* Полная русская хрестоматия: В 3 ч. М., 1859. Ч. 1: Красноречие.
8. Галахов 1859б – *Галахов А.* Полная русская хрестоматия: В 3 ч. СПб., 1859. Ч. 3: Примечания.
9. Галахов 1864 – *Галахов А.* Историческая хрестоматия нового периода русской словесности: От Петра I до нашего времени. СПб., 1864. Т. 2: От Карамзина до Пушкина.
10. Галахов 1889а – *Галахов А.* Русская хрестоматия. СПб., 1889. Т. 1.
11. Галахов 1889б – *Галахов А.* Русская хрестоматия. СПб., 1889. Т. 2.

12. Галахов 1894 – *Галахов А.* История русской словесности, древней и новой: Пособие для гимназий и прогимназий. М., 1894. Т. 2: От Карамзина до Пушкина.
13. Горбунов 1911 – *Горбунов П.* Программы и учебные планы мужских гимназий и прогимназий, с объяснительными записками министерства народного просвещения к преподаванию, уставом гимназий, всеми вышедшими по 1 февраля 1911 г дополнениями, распоряжениями и разъяснениями, указанием принятых по классам учебников, правилами об испытаниях: приемных, переводных, зрелости. М., 1911–1912.
14. Греч 1812 – *Греч Н.* Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе. С прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. Изданы Николаем Гречем, старшим учителем русского языка в главном Немецком училище Св. Петра, и членом СПб. Вольного Общества Любителей Словесности, Наук и Художеств. СПб., 1812.
15. Греч 1822 – *Греч Н.* Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822.
16. Греч 1830 – *Греч Н.* Учебная книга русской словесности. Отделение первое. Проза. Часть вторая. СПб., 1830.
17. Дополнения 1867 – Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1867.
18. Журнал 1821 – Журнал Департамента Народного Просвещения. Ч. 1. СПб., 1821.
19. Журнал 1905 – Журнал Мин. Нар. Просв. 1905. № 7. август 1905.
20. Законы 1830 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 3. 1828 г. СПб., 1830.
21. Законы 1850 – Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 24. Отделение первое. 1849. СПб., 1850.
22. Орлов 1908 – *Орлов.* Новейшие учебные планы, правила и программа с объяснительными записками мужских гимназий и прогимназий ведомства Мин. Нар. Просвещения с дополнениями и разъяснениями вышедшими по 1 апреля 1908 г. СПб., 1908.
23. Пенинский 1834 – *Пенинский И.* Российская хрестоматия, или отборные сочинения отечественных писателей в прозе и стихах. СПб., 1834.

24. План 1860 – План и распределение преподавания наук в высших народных училищах, гимназиях и прогимназиях, на основании проекта устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Мин. Нар. Просвещения. СПб., 1860.
25. Полевой 1878 – *Полевой П.* История русской литературы в очерках и биографиях. СПб., 1878.
26. Полевой 1902 – *Полевой П.* Учебная русская хрестоматия с толкованиями. Часть первая. Младший возраст. СПб., 1902.
27. Поливанов 1894 – *Поливанов Л.* Русская хрестоматия для двух первых классов средних учебных заведений. М., 1894.
28. Постановления 1865 – Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 3. Царствование императора Александра II. 1855–1864. СПб., 1865.
29. Постановления 1877 – Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. Т. 5. Царствование императора Александра II. 1871–1873. СПб., 1877.
30. Программа 1860 – Программа учебным предметам для военно-учебных заведений и гимназий. СПб., 1860.
31. Программа 1898 – Общая программа и инструкция для преподавания учебных предметов в кадетских корпусах. СПб., 1898.
32. Программы 1872 – Программы предметов учебного курса городских по Положению 31-го мая 1872 года училищ.
33. Программы 1905 – Программы домашнего чтения. На четвертый год систематического курса. М., 1905.
34. Указатель 1864 – Указатель к повременным изданиям Мин. Нар. Просв., с 1803 по июнь 1864 года. СПб., 1864.
35. Ушинский 1894 – *Ушинский К.Д.* Детский мир и хрестоматия. СПб., 1894.
36. Филонов 1878 – *Филонов А.* Русская хрестоматия, с примечаниями. Для высших классов средних учебных заведений. СПб., 1878. В 4 ч.

б) Критическая литература и ранние исследования, ставшие источником сведений для авторов школьных пособий

37. Белинский 1955 – *Белинский В.Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая // *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 7.
38. Галахов 1852 – *Галахов А.* Василий Андреевич Жуковский. Материалы для определения его литературной деятельности. Статья первая // Отечественные записки. 1852. Т. 85. Отд. 2.
39. Галахов 1853 – *Галахов А.* Василий Андреевич Жуковский. Материалы для определения его литературной деятельности. Статья вторая // Отечественные записки. 1853. Т. 88. Отд. 2.
40. Загарин 1883 – *Загарин П.* (Поливанов). В.А. Жуковский и его произведения. М., 1883.
41. Зейдлиц 1883 – *Зейдлиц К.К.* Жизнь и поэзия Жуковского. СПб., 1883.
42. Зонтаг 1999 – *Зонтаг А.П.* Несколько слов о детстве Жуковского // В.А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999.
43. Кирпичников 1903 – *Кирпичников А.И.* Очерки по истории новой русской литературы. М., 1903. Т. 1.

Исследования

44. Богданова и др. 1999 – *Богданова О.Ю., Леонов С.А., Чертов В.Ф.* Методика преподавания литературы. М., 1999.
45. Веселовский 1999 – *Веселовский А.Н.* В.А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». М., 1999.
46. Вдовин 2012а – *Вдовин А.* База данных по русским и провинциальным учебным хрестоматиям 1800–1905. Рукопись.
47. Вдовин 2012б – *Вдовин А.* Русские хрестоматии и книги для чтения. Остзейские. Периферийные. 1800–1905. Сводный список. Рукопись.
48. Вольпе 1941 – *Вольпе Ц.С.* Жуковский // История русской литературы. Л., 1941. Т. 5. Ч. 1.
49. Зыкова 2007 – *Зыкова Г.В.* Ростовцев Яков (Иаков) Иванович // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 5. П–С. М., 2007.
50. Каптерев 1982 – *Каптерев П.Ф.* История русской педагогики. М., 1982.

51. Карпов 1992 – *Карпов А.А.* Греч Николай Иванович // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 2. Г–К. М., 1992.
52. Кийко 1992 – *Кийко Е. И.* Галахов Алексей Дмитриевич // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 1. А–Г. М., 1992.
53. Лотман 1994 – *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре : быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
54. Оловяннаякова 2007 – *Оловяннаякова И.П.* Поливанов Лев Иванович // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 5. П–С. М., 2007.
55. Петрова 1941 – *Петрова Е.* Академик Федор Иванович Буслаев и его значение для школы // Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Л., 1941.
56. Рейтблат 2007 – *Рейтблат А.И.* Полевой Петр Николаевич // Русские писатели: 1800–1917. Библиографический словарь. Т. 5. П–С. М., 2007.
57. Рооп 2007 – *Рооп Л.* Жуковский в Эстонии и в эстонском культурном контексте в XIX – начале XX вв. Выпускное сочинение на соискание ученой степени *baccalaureus artium* Тарту, 2007.
58. Семенко 1975 – *Семенко И.М.* Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975.
59. Семенко 1970 – *Семенко И.М.* Поэты пушкинской поры. Л., 1970.
60. Словарь 1908 – Борн, Иван Мартынович // Русский биографический словарь. Бетанкур – Бякстер. СПб., 1908.
61. Янушкевич 1988 – *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский: семинарий. М., 1988.

Интернет-источники

62. Буслаев – *Буслаев Ф.И.* Мои воспоминания // http://knigolubu.ru/russian_classic/buslaev_fi/moi_vospominaniya.2943/?page=75
63. Смусина – *Смусина М.* Списки Галахова // Санкт-Петербургские ведомости. Выпуск № 162.
http://www.spbvedomosti.ru/print.htm?id=10291265@SV_Articles
(28.08.2012)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Распределение учебных часов по русской литературе в разных учебных заведениях России XIX века

Устав 1828 г.

Предмет «Российская словесность и логика»

Класс	I	II	III	IV	V	VI	VII	Всего
Часы	4	4	4	3	3	3	2	23

Устав 1848 г.

Предмет «Русский язык» в военных учебных заведениях

Класс	I	II	III	IV	V	VI	Всего
Часы	5	3	3	2	2	3	18

Устав 1871 г.

Предмет «Русский язык с церковнославянским и словесность»

в гимназиях, где преподавался греческий язык

Класс	Подготов.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего
Часы	6	4	4	4	3	3	2	2	2	30

Предмет «Русский язык с церковнославянским и логика»

в гимназиях, где не преподавался греческий язык

Класс	Подготов.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего
Часы	6	6	4	4	3	4	3	2	2	34

Предмет «Русский язык с церковнославянским и логика»

в гимназиях, где не преподавался греческий язык

Класс	Подготов.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего
Часы	6	6	4	4	3	4	3	2	2	34

Устав 1890 г.

Предмет «Русский язык»

Класс	Подготов.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего
Часы	6	5	5	4	4	3	3 или 5	4 или 3	3 или 4	36 или 40

Предмет «Русский язык» в женских учебных заведениях

Класс	Подготов.	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	Всего
Часы	4	4	3	3	3	3	3	3	3	29

KOKKUVÕTE

V. Žukovski koht 19. sajandi Venemaa gümnaasiumi vene kirjanduse kursuses

Antud töö eesmärgiks oli välja selgitada, milline oli V. Žukovski koht 19. sajandi Venemaa gümnaasiumi vene kirjanduse kursuses. Sissejuhatuses vaadeldakse lühidalt, kuidas on esitatud teemat käsitletud teaduskirjanduses. Antakse ülevaade sellest, milline oli koolisüsteem 19. sajandi Venemaal, millal lisandus aine “vene kirjandus” kooliprogrammi, millal tekkis esimene riiklik vene kirjanduse ainekava, kes olid selle koostajateks ja milliseid Žukovski teoseid see sisaldas.

Esimeses peatükis vaadeldakse 19. sajandi Venemaa erineva suunitlusega koolide (mees- ja naisgümnaasiumid, reaalkoolid, sõjaväekoolid jne) vene kirjanduse ainekavasid. Ennekõike pööratakse tähelepanu sellele, millise koha pälvis nendes Žukovski looming ja milline oli tema maine vene kirjanduse kursuses erinevatel aegadel. Nimelt, esimestes lugemikes oli Žukovski nimi mainitud peamiselt tõlkijana, hilisemates lugemikes isegi tõlgitud luuletuste puhul tuuakse välja ainult Žukovski nimi, mainimata originaalteksti autori nime.

Teises peatükis analüüsitakse seda, kuidas 19. sajandi Venemaa gümnaasiumides käsitleti Žukovski elulugu. Vaadeldakse erinevaid vene kirjanduse lugemikke ja õpikuid ning tuuakse välja, milliste allikate põhjal on nendes esitatud Žukovski elulugu, kuidas püüdsid autorid vältida „ebasobivate“ detailide käsitlemist („ebaseaduslik“ päritolu – türklanna vallaslaps; „keelatud“ armastus oma poolõetütre vastu jne).

Kokkuvõttes resümeeritakse uurimistöö tulemusi ja tuuakse välja töö võimalikke perspektiive. Töö tulemusena tuuakse välja nimekiri Žukovski tekstidest, mida õpetati 19. sajandi vene koolides. See nimistu nõuab veel üksikasjalikumalt analüüsi. Tuleks võrrelda erinevate ainekavade sisu ja tuvastada tekstide asendamise võimalikud põhjused. Antud töös võrreldakse omavahel kolme 19. sajandi algklasside õpilastele mõeldud lugemikku (koostajateks olid P. Polevoi, L. Polivanov ja K. Uššinski) näitamaks, kuidas on nendes esitatud Žukovski tekste.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina Olga Fraiman

(sünnikuupäev: 03.06.1983)

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose „Место В.А. Жуковского в курсе русской словесности в российских гимназиях XIX века”,

mille juhendaja on prof. L. Kisseljova,

1.1.reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;

1.2.üldsusele kättesaadavaks tegemiseks Tartu Ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu alates 06.06.2013 kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.

2. olen teadlik, et nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.

3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus, 04.06.2013